

ЛЮБОВЬ
ИНТРИГА
ТАЙНА

ГЕОРГИЙ
ЛАНСКОЙ

ГОРИ ОНО ВСЕ ОГНЕМ

Любовь, интрига, тайна

Георгий Ланской
Гори оно все огнем

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ланской Г. А.

Гори оно все огнем / Г. А. Ланской — «Эксмо»,
2021 — (Любовь, интрига, тайна)

ISBN 978-5-04-119021-7

Все считают, что Маша нерешительная и безвольная. Родители продали нежную красавицу-дочку богатому мужу, а он ее бьет, унижает и уничтожает как личность. Помощи ждать не от кого: вокруг только подлые и лживые люди, не гнушающиеся криминала. Придется Маше до конца жизни – недолгой и ужасной – играть роль овечки в стае волков... Если только ей не хватит дерзости самой примерить волчью шкуру и пустить в ход клыки!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-119021-7

© Ланской Г. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть 1. Клетка	8
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Георгий Ланской

Гори оно все огнем

© Ланской Г., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эсмо», 2021

Пролог

Вытерев пот со лба, она с трудом перевела дух и упрямо продолжила восхождение. Синяя блузка намокла на спине и в подмышках, отчего пошла некрасивыми пятнами, и в другой день, в иной жизни, женщина очень расстроилась бы из-за своего непрезентабельного вида, но те времена давно прошли.

Колючие кусты хватали за ноги, словно стараясь задержать, остановить ее от решающего шага, после которого ничего уже нельзя будет изменить, раздирали в кровь ладони. Ласточки, вспугнутые ее приближением, носились вокруг с пронзительным пискom, и в их голосах она тоже слышала паническое «остановись». Женщина замотала головой, как ослепленная лошадь, и, на миг задержавшись, продолжила движение.

Больше всего она боялась, что сейчас остановится, и тогда все полетит к черту.

Женщина поднималась все выше, хватая ртом воздух, прижимая к животу руку и воя от нестерпимой боли. Временами в глазах темнело настолько, что она не видела, куда ступает, и, нащарив рукой острую стену камней, останавливалась, думая, что больше не выдержит. В животе горела и ворочалась злобная тварь, чужой из старого ужастика, готовый вырваться наружу, разрывая внутренности. На миг женщине показалось, что сейчас это произойдет. Пошатнувшись, она взмахнула руками, теряя равновесие, но удержалась, сплюнула на землю черную, как нефть, кровь и упрямо сделала еще два шага. И еще два. И еще.

Сумка – приметная, ярко-красная, сверкающая хищным лаком, была по ногам, и женщина раздраженно сдернула ремешок с плеча и бросила сумку на землю. Лакированный конвертик стукнулся о камни, ремешок трепыхнулся умирающей гадюкой и замер. Женщина не обратила на него никакого внимания.

Солнце катилось к закату, наливаясь красным, как испорченный яичный желток. Вокруг, насколько хватало затуманенных глаз, не было ничего, кроме гор и уходящего к горизонту моря, беспечно синего и пустого, дикого пляжа без единого отдыхающего да буйной зелени. Позади, в далекой суете отелей, накрывались столы к ужину, в бассейнах плескались люди, не слишком трезвые, веселые. Мамаши купали чад на мелководье, всеми силами оттягивая момент, когда придется удалиться с напоенного хвоей и солью воздуха и идти в номер, укладывать детей спать. Женщина уловила краем уха, как на мгновение плюнула известным хитом аудиосистема и испуганно смолкла, не готовая к вечернему разгулу и танцам. Отдыхающие толпились у входов в ресторан, скрывая за беседами нетерпеливое желание поскорее занять лучший столик. Никому не приходило в голову поглядеть вверх, на узкую горную тропинку с человеческой букашкой, поднимающейся все выше.

Почти никому.

Она не видела преследующего ее человека, слишком занятая восхождением в гору, которое еще час назад казалось чем-то важным, последней попыткой доказать себе, что жива и что еще не все потеряно, но сейчас, когда сил не осталось, она была готова сдаться. По большому счету все равно, где умирать. И когда, вновь помотав головой, она уже готова была остановиться, ее голова взметнулась над последней площадкой, куда могла ступить нога человека. Переведя дух, женщина, помогая себе руками, вскарабкалась туда. Совершенно обессиленная, сползла на камни, глядя на бесконечное море, и улыбнулась сквозь слезы. Посидев так минуту, она, потратив последние силы, подползла к краю на четвереньках и с наслаждением улеглась на живот, счастливая от того, что больше ей не придется двигаться. Полежав так минуту, женщина перевернулась на спину и поглядела вверх.

Небо, глубокое и пустынное, какое бывает только на юге, ответило на ее взгляд. Луна, бледная, почти незаметная поначалу в этом стремительно темнеющем небе, поднималась все выше и отражалась в затухающем взгляде женщины. Наверху кружила какая-то крупная птица,

зорко поглядывая на неподвижную фигуру и оценивая, можно ли уже спуститься и начать пир. Но с безопасной высоты распластанное тело не выглядело беспомощным. Пока еще нет.

Внизу ухала музыка, непонятная, далекая, и только басы раздражали перепонки. Отдыхающие дорвались до бара и оглашали окрестности радостными воплями. Женщина, которую больше не касалось веселье, не двигалась до тех пор, пока до ее обостренного слуха не донесся шорох камешков, осыпающихся под чьими-то шагами. Женщина закрыла глаза. У нее оставалось совсем немного времени. Усилием воли она вызвала в памяти картину тех бесконечно счастливых мгновений, которые испытала не так давно, безудержного восторга, азарта и удовлетворения собой, столь же мощного, как оргазм, но воспоминание было стерто ворочаньем твари в животе, старательно прогрызающей себе путь наружу. Женщина закашлялась и вновь выплюнула кровь.

Сколько денег, украденных у других, было припрятано в надежных местах? Сколько лет она бегала от опасных людей? Не сосчитать ни того, ни другого. И вот теперь ей не помогут никакие деньги, и она уже никуда не может скрыться. От твари не убежишь, не откупишься. Женщина открыла глаза и увидела, что птица, парившая над ней, спустилась ниже, заинтересованная своим неожиданным открытием. Со стоном перекатившись на бок, женщина поднялась, чувствуя себя беспомощной старухой.

Тюрбан на ее голове размотался, и она сдернула его, проведя пальцами по своей лысой, как у младенца, голове. На ветру длинная ткань взметнулась вверх упрямым флагом. Женщина подняла руку и мгновение держала скользкий шелк, как умирающий солдат знамя полка, а потом отпустила, проводив улетевшую материю взглядом.

Птица, напуганная полетом ярко-красной полотняной змеи, шарахнулась прочь. Женщина опустила руку и прижала ее к животу, а затем развернулась лицом к человеку, который уже поднимался на каменный уступ. Глядя в лицо преследователю, женщина попятилась назад, к самому краю, а затем вновь закрыла глаза. Ей почти не было больно, и лишь страх, что она в очередной раз уступит терзающему ее чудовищу, заставлял трястись ее губы и ноги. Когда человек, уставший и запыхавшийся, поднялся на уступ, женщина увидела свою сумку в его руке и слабо улыбнулась, взглянув в последний раз в зеленые глаза напротив. Глаза, которые могут быть только у истинного лжеца. С самого первого дня, когда женщина взглянула в эти зеленые глаза, она поняла, кто перед ней.

Черт побери, пусть это будет красиво!

Она раскинула руки, как птица. Прежде чем ее преследователь сделал шаг вперед, женщина, балансирующая на краю пропасти, стала падать. И в то мгновение, когда ее ноги оторвались от скалы, ее захлестнули ужас и неудержимое желание жить. Женщина закричала, и вопль ударил в камни, усиленный эхом. Мгновение показалось ей вечностью, ровно до того момента, когда она врезалась в острые камни, после чего все закончилось.

Красный шелк разматавшегося тюрбана беспомощно болтался на ветке горной сосны. Стервятник в небесах с большим интересом смотрел на изломанную фигуру на дне пропасти, но спуститься не решился, подозревая подвох. И только человек на вершине горы, давя в себе испуганный вопль, глядел вниз, не веря тому, чему стал свидетелем.

Безмолвное небо отражалось в зеленых глазах.

Часть 1. Клетка

Глава 1

Отель был излишне претенциозный, и это бросалось в глаза любому человеку с мало-мальским вкусом, а у женщины, вкатившей за собой небольшой, выдавший виды чемодан, вкус был, потому, подкатив багаж к стойке регистратора, она слегка скривила губы. Дорого-богато, и при этом в плане сервиса – ноль. Бывший санаторий для правящей элиты, с гипсовой лепниной, колоннами и прочим шиком сталинского ампира, включающего в себя неперенные барельефы с трудящимися, кропотливо собирающими каждый колосок. В девяностые гипсовых красноармейцев, колоски и комбайнеров посшибали, оставив голые стены с зияющими щербинами, но потом одумались и попытались вернуть все на место, наклеив вместо улыбочных доярок русалок и мадонн, а вместо сталеваров – греческих богов и подмазав халтурные скульптуры пошлой позолотой. Потом сюда пришел кто-то башковитый и позолоту затер, что придало пошловатой псевдороскоши толику культуры, но все равно – колхоз колхозом. Пройтись бы, как известная теледива с белым платочком по углам, сколько грязи можно было бы собрать...

Дама вздохнула.

Хоть бы дизайнера выписали из Европы или Москвы... Дерут, черти, сумасшедшие деньги... Вот тебе и «Крым наш»... Как был совок, так и остался, все-таки за двадцать лет построить капитализм невозможно даже в отдельно взятом здании. Дама подняла на лоб очки и огляделась: догадается ли кто-то подойти?

Портье, которому полагалось открыть перед ней дверь и помочь с багажом, слонялся без дела, только что в носу не ковырял, коридорных не было видно, на верхней площадке лестницы прошмыгнула горничная в фирменном платье и тут же скрылась. В фойе было малоллюдно. У большого, как витрина, окна за столиком сидели двое мужчин в футболках и шортах, пили пиво и о чем-то тихо беседовали, за соседним столом скучал тощий парень, тарасившийся в потрепанную книгу и то и дело зевающий. Рядом стояла пустая детская коляска. Больше не было никого, с улицы, от бассейна, доносились крики развлекающихся постояльцев, перекрывающие ненавязчивую музыку с экрана телевизора, висающего поодаль. Так что в принципе пассивность персонала была вполне объяснима. Суетное время завтрака и обеда миновало, постояльцы отправлялись на боковую, подалеже от солнца, что к трем часам дня жарило беспощадно, или же шли на пляж, позволяя служащим отеля немного отдохнуть и подготовиться к вечерней суматохе. Впрочем, здесь было довольно малоллюдно, что нисколько не удивляло: цены заоблачные, за такие деньги можно с шиком отдохнуть в Европе, что, собственно, нувориши и делали.

Девушка за стойкой беззастенчиво пялилась в мобильный, и даже с расстояния пару метров было слышно, что она крушит злобными птицами постройку зеленых свиней. Звуки разлетающихся в щепки виртуальных дворцов хоть и были приглушены, но спутать их с чем-то иным было невозможно. Вошедшая женщина опознала это визгливое ликование безошибочно. Валяясь в постели, она и сама развлекалась такими баталиями и приносовилась настолько, что разбивала противника с первого залпа. Потому она подошла к стойке и кашлянула, привлекая к себе внимание.

Девушка отложила телефон и растянула губы в улыбке, которая получилась недовольной и кривой. В телефоне восторженно захмыкали свиньи: видимо, птички понесли потери. Тем не менее голос девушки звучал вполне вежливо.

– Добрый день. Чем могу вам помочь?

– Добрый день. Я заказывала номер, – ответила дама и, порывшись в сумочке, вынула паспорт в видавшей виды обложке цвета перспелой вишни, не дожидаясь, пока ее об этом попросят.

Девуца пощелкала клавишами компьютера, после чего ее улыбка стала чуть более льстивой. Вынув из ящика конверт с карточкой-ключом, она протянула его новой постоялице вместе с паспортом.

– Да, госпожа Захарова, бронь вашего номера подтверждена. Ваш багаж сейчас доставят. Завтраки у нас начинаются с восьми утра, ужин после девятнадцати часов, также вы можете заказать еду в номер. К вашим услугам сауна, хамам, два крытых бассейна и два открытых, четыре ресторана, два бара...

– Я разберусь, – сухо ответила дама и потянула ключ к себе.

Администратор неохотно уступила, как будто ей до смерти хотелось продолжить расхваливать отель, и сделала страшные глаза коридорному, который вынырнул из служебного помещения и прислушивался к разговору с вялым любопытством. Торопливо подскочив к новой постоялице, он галантно указал ей дорогу к лифту. Дежурная проводила гостью взглядом и еще раз посмотрела на заполненную карточку брони.

Маргарита Захарова. Тридцать шесть лет, прописана в Кемерове. Выглядит, кстати, гораздо старше и как-то болезненно, хотя, может, потому, что в столице для лета еще рановато, а гостя косметикой не воспользовалась. Оно и понятно, по такой жаре все потечет. Одета дорого и как-то... излишне живенько для обычных гостей, прямо как кинозвезда. Девуца оценила воздушное балахонистое платье цвета вянувших пионов, массивные золотые серьги и колье, россыпь бриллиантов на нервных пальцах и изящные туфли на демократичном устойчивом каблуке, которые прямо вопили, что купили их не на рынке. Но это и понятно: рыночные торговки люксов не заказывают. Один день пребывания тут стоит их месячной зарплаты... Очки у дамы тоже были дорогими, а глаза под ними – выцветшего голубого цвета, усталые и замученные, с темными мешками, не то от дороги, не то от чего-то еще. Вершиной образа был тюрбан пудрового тона, из-под которого торчали платиновые пряди, совершенно лишний на юге аксессуар. Ей бы шляпу побольше. Странно, что столь эффектно одетая дама прибыла всего с одним чемоданом.

Коридорному дама странной не показалась, он и не таких повидал. К тому же короткое время, которое он провел рядом с новой гостей, не позволило сделать определенных выводов, кроме того, что она, вероятно, очень хорошо обеспечена. И дело было не только в одежде, но и в парфюме, а пахло от постоялицы хорошо и дорого, тяжелый аромат духов почти мгновенно впитался в его одежду. Дотавив чемодан до номера, коридорный помог женщине открыть дверь, получил скромные чаевые и удалился, с неприязнью подумав, что уж эта могла бы отслонявить и побольше. И уже спустившись, он мельком отметил, что за ароматом духов ощутил что-то еще, нечто неприятное и почти неуловимое, химию, смешанную с органикой. Но эта мысль моментально выветрилась из его головы, потому что в холл ввалились постояльцы, уже две недели составляющие главную головную боль отеля своими бесконечными пьянками и дебошами. Вот и сейчас разудалая троица мужиков, переваливших за сорок, с пьяной бранью требовала подать выпивку и закуску. Администратор улыбалась, что-то талдычила в телефон и чуть заметно морщилась, надеясь на лучшее. Авось сегодня они не подерутся, не разнесут половину бара и не утонут в бассейне. А если утонут, пусть сделают это поскорее и желательно не в ее дежурство.

Наверху новая гостя неторопливо стащила с себя балахонистое платье, обнажив худенькие плечи, скромную грудь и тонкие ножки, бросила одежду на пол и с истинным наслаждением стянула с головы тюрбан. Розовая тряпочка сползла вместе с волосами, обнажив лысый череп с пробивающейся стерней темных волос. Вытряхнув из тюрбана парик, женщина расстегнула лифчик, сняла трусы и, голая, пошла в ванную. Зеркало отразило бледную, как у курицы, кожу,

исколотые руки и набухшие вены. Зайдя в кабинку, она несколько мгновений регулировала температуру воды, а потом встала под теплые струи и стала ожесточенно тереть себя мочалкой.

Вымывшись, она завернулась в полотенце, распаковала скромный гардероб и развесила его на плечиках в шкафу, вынула из мини-бара бутылку с водкой, а после, задернув плотные шторы, забралась в постель. Там, откинувшись на подушки, женщина вынула из несессера пластиковую баночку с таблетками, достала две и, сунув их в рот, свернула бутылочке шею и с отвращением запила таблетки водкой. Глядя в потолок, женщина старательно гнала мрачные мысли, но выходило плохо. И тогда она привычно припомнила мужчину, который сейчас искал ее и сходил с ума от ярости. Мысль, что где-то там беснуется этот человек, заставила ее слабо улыбнуться.

* * *

На женщину в развевающейся разноцветной хламиде и золотом тюрбане на голове Маша обратила внимание на второй день пребывания этой гостьи в отеле. Дама впорхнула в столовую, как большая тропическая бабочка или сверкающий вуалехвост, приковав к себе все взоры на пару секунд. Ни на кого не обращая внимания, женщина направилась к стопке тарелок, взяла одну и неторопливо побрела вдоль длинных столов, уставленных едой. Длинные рукава почти волочились по полу и застывали в опасном расстоянии от мармитов с супами, овощами и омлетом, едва не окунаясь в еду.

«Зачем же она так на завтрак оделась, – подумала Маша. – Неудобно же. Сейчас весь салат рукавами соберет и будет потом, как Василиса Премудрая, едой швыряться. Махнула левым рукавом – вылетели косточки, превратились в лебедей, махнула правым – вот вам и озерцо».

Постоялица тем не менее на неудобство не обратила никакого внимания. Было заметно, что ей не впервой управляться с одеянием, поскольку она ничего не уронила, не измазалась, ловко наковыряла себе омлет, положила на тарелку тост, джем и кубик масла, налила кофе и только потом окинула взором почти пустой ресторан, выбирая, куда сесть. Натолкнувшись на любопытствующий взгляд Маши, которая тут же отвела глаза, женщина решительно двинулась к ее столику.

– Не возражаете? – приветливо спросила она. – Простите ради бога, просто терпеть не могу есть одна. Если я вас не стесню, конечно...

– Пожалуйста, – буркнула Маша, не слишком довольная произошедшим.

– Может, вы ждете кого-то?

– Вообще-то... – неопределенно произнесла Маша, и женщина, уже опускавшая тарелку на стол, застыла в полупоклоне. – То есть я хотела сказать, что я ждала мужа.

– Ах, простите, – сконфузилась женщина, но Маша торопливо добавила:

– Но, наверное, сегодня его не будет. Садитесь, пожалуйста.

Женщина села, а Маша подумала, не объяснить ли ей, почему мужа сегодня не будет, но придержала язык, подсознательно избавляясь от неприятного воспоминания о том, как она лежала на кровати с книжкой в руках, пока не заснула, а потом был шум, и муж упал в коридоре, в стельку пьяный, разразившись грубой бранью, когда она спросонья не подбежала помочь ему. Потом она помогала ему дойти до кровати. Упав на спину, он махал руками, а когда она стала стягивать с него штаны, неожиданно пнул ее в живот так, что она задохнулась и отлетела к стене, врезавшись в тумбочку боком. Она скрючилась на ковре и лежала, поскуливая от боли, пока он не поднял голову и, с трудом сфокусировав на ней взгляд налитых кровью глаз, приказал:

– Вставай и иди сюда.

Она подошла не сразу, чем вызвала еще большее его недовольство. Та степень опьянения, когда муж становился агрессивным, еще не свалила его с ног, и теперь ему требовался объект, на котором он мог выместить свое раздражение. И ее медлительность взбесила мужа еще сильнее. Пошатываясь, он подошел к ней и навис, глядя, как она корчится на полу, поджимая колени к подбородку. Покачиваясь, он высвободил одну ногу из упавших брюк, потом стал дрыгать второй, пока штаны не улетели к стене, зацепив настольную лампу, которая покачнулась, но не упала. С пьяной ухмылкой он принялся расстегивать рубашку, обнажая заросший волосами живот.

Что было дальше, Маша старалась не вспоминать. Поэтому, передернувшись, она привычно загнала мысли подальше, в тот уголок подсознания, где трамбовала подобные чувства уже не первый год. Воспользовавшись моментом, пока соседка по столу увлеклась своим омлетом, Маша с любопытством ее разглядела.

Тоненькая, болезненного вида, с бездонными карими глазами, напоминающими красноватые стеклянные шары, за которыми спрятались горящие свечи. Инферальности облику женщины придавали темные круги под глазами. Возраст показался Маше неопределенным: женщине можно было дать и тридцать, и пятьдесят. На лице, прозрачном, как осеннее яблоко, Маша не заметила ни следа косметики. На тонких пальцах хищно сверкали бриллианты, выглядящие неприлично крупными, как и массивная золотая цепь, слишком мощная для такой тонкой шеи. Все это вместе и по отдельности показалось бы Маше перебором, но на женщине все смотрелось весьма гармонично, может, из-за павлиньей расцветки хламиды да тюрбана, которому для полноты образа не хватало разве что страусиного пера с брошкой. Женщина подняла глаза и неожиданно широко улыбнулась. Зубы у нее были мелкие, как у мыши.

— Давайте познакомимся. Я только вчера приехала и никого еще не знаю. Меня зовут Маргарита. Но вы зовите меня Ритой. На работе меня называют Марго, а меня просто тошнит от этого. Так и хочется перерезать глотку какому-нибудь герцогу.

Рита скорчила зверскую физиономию. Маша против воли рассмеялась.

— Я – Маша, – ответила она. – А чем вы занимаетесь?

— Я актриса, – просто ответила Рита. – Только ради бога не спрашивайте, где бы вы могли меня видеть. Когда мне задают такие вопросы, я, как правило, отвечаю, что вы и сами ничего в этой жизни не добились. В кино не снималась, в сериалах тоже, спокойно топтала сцену в провинции. Вы бывали в Новосибирске?

— Нет, – призналась Маша. Новая знакомая начала ее забавлять, и она нашла это хорошим знаком.

— Ну, тогда название «Красный факел» вам ничего не скажет. Я служу там уже лет десять. Это вообще-то хороший театр, но, как и все немосковские и непитерские, очень провинциальный. Но у нас крепкие постановки и труппа очень сильная. За нас не стыдно.

— Я так и подумала, что вы актриса.

— Это так заметно? – лукаво изогнула бровь Рита. – А вы, Маша? Чем вы занимаетесь?

— Ничем, – смутилась Маша. – Я как раз из тех, кто ничего в этой жизни не добился. Я даже институт не окончила, замуж вышла на втором курсе и теперь вот... Просто живу.

— Это же скука смертная, – фыркнула Рита.

— Да, – мрачно подтвердила Маша. – Скука.

Какой-какой, а скучной ее жизнь назвать было трудно. Да что таить греха: она бы с удовольствием поскучала, и тут, в этом, раздери его черти, дорогом отеле, и дома, в холодной стерильности выскобленного до блеска особняка, где и прислуга, и хозяйка, если ее можно было так назвать, ходили по струнке. Никаких посторонних, никаких друзей, никаких гостей, кроме партнеров и дружков супруга, отвратительных боровов с женами, либо слишком глупыми даже для разговоров о погоде, либо такими же запуганными, забитыми, безголосыми и

бесправными, тем не менее когтями цепляющимися за золоченую клетку, как волнистые попугайчики.

Появление Риты Маша расценила как спасение. В отеле она находилась уже больше недели, но за это время не осмелилась завести хоть какое-то знакомство. Пару дней назад она, воспользовавшись отсутствием мужа, бездумно приняла приглашение местных отдыхающих и согласилась поиграть в волейбол на пляже, дав себе зарок уйти через час. Но в какой-то момент игра ее так захватила, что Маша забыла о времени. Находиться среди обычных людей было замечательно и легко. Отдыхающие были молоды, беззаботны, несколько парней с загорелыми подкачанными торсами показались ей откровенно привлекательными, а она, несомненно, понравилась им. Опыренная внезапной свободой, она позволила им чуть больше личного: ничего особенного, сперва хлопнула в ладоши, а потом один шлепнул ее по попе, вполне игриво, и это могло быть недвусмысленным намеком, не будь она замужем. Но мысль, что она может вновь почувствовать себя живой, была такой возбуждающей, что Маша потеряла бдительность и потому не сразу заметила что муж, коему надлежало вернуться еще часа через два, стоял в тени магнолии и гадко усмехался.

Она прекратила игру сразу, подняла брошенное на песок парео и понуро поплелась следом за мужем, как собачонка, ожидающая наказания.

К ее удивлению, муж не стал распускать руки и вообще не сказал ей ни слова, когда она, чувствуя отвращение к себе самой, стала лепетать и оправдываться, что ничего такого не хотела, ей просто скучно, он постоянно на встречах, а так хотелось немного размяться, но больше никогда... И когда презрение к себе самой стало достаточно сильным, она замолчала, ожидая, когда он ее наконец-то ударит.

– Бедняжка, – насмешливо сказал он. – Ну, я представляю, что ты тут от скуки тухнешь, но, маленькая моя, мне нужно еще несколько дней. Ну, вытри слезки, рыбонька.

Периоды, когда муж вспоминал, что она вообще-то его жена, а не рабыня и не груша, которую можно безнаказанно лупасить, были непредсказуемы. Каждый раз Маша трепетала, полагая, что ласковая маска слетит с его лица и она опять получит взбучку, и все же заставляла себя обманываться надеждой, будто вот теперь-то он настоящий и все плохое позади. А то, что было... ну напился человек, с кем не бывает. Вот и сейчас муж был трезв, и потому никаких репрессий за неловкие объятия с незнакомым парнем не последовало. Только продлилось все недолго. Потому что тем же вечером состоялась очередная попойка, после которой Маша получила в живот и пролетела через всю комнату. А потом, когда он лежал на ней, содрогаясь в оргазме, она мельком подумала, что еще недавно, не на полу, а в постели, он был нежен и предупредителен, и она получала истинное удовольствие, от которого не осталось и следа...

Впрочем, следы как раз остались. Маша подумала, что Рита увидит эти синяки на руках и ногах, и покраснела, после чего стремительно перевела разговор.

– А в каких вы спектаклях играете?

Рита отодвинула в сторону тарелку. Маша заметила, что омлет остался почти нетронутым. Намазав тост маслом и джемом, Рита впилась в него зубами, отчего по ее рту потекла струйка джема.

– Боже, я как свинья, – ахнула она, схватила салфетку и принялась вытирать рот. – Что вы спросили, дорогая? А, спектакли... Последний год я выхожу в «Поминальной молитве». Вам не приходилось смотреть эту постановку? Очень советую. Это трагикомедия о жизни еврейской семьи. Очень... воздушная вещь, хотя и в мрачных тонах. Но одновременно и очень веселая, как сама жизнь. Я играю жену молочника Тевье – Голду. Хотя, надо признаться, я стала Голдой недавно, до того я выходила в этом же спектакле, но играла одну из дочерей Тевье – Хаву.

– Почему вы больше не Хава? – спросила Маша. Рита рассмеялась, и ее смех показался Маше неестественным.

– Так возраст, дорогая. В мои года играть восемнадцатилетнюю девочку как-то глупо. Нет, многие актрисы играли подростков, разменяв четвертый десяток, но я не решалась. Это смешно выглядит со стороны. Надо обладать невероятным талантом и неимоверным нахальством, чтобы в сорок лет убедить публику, что тебе – шестнадцать и ты все еще Золушка, в то время как ты в лучшем случае мачеха, а в худшем – тыква.

Маша рассмеялась, подняла взор и вздрогнула, увидев, как в столовую входит муж. Прежде чем окончательно испугаться, она сообразила: это не он, а всего лишь мужчина похожего телосложения, в примерно такой же белой майке и шортах, что у него. Мужчина мазнул по Маше беглым взглядом, но куда больше его интересовали мармиты с завтраком. Маша выдохнула и заметила, что Рита внимательно смотрит на нее.

– Вы странно реагируете на входящих, Маша, – сказала Рита.

– Почему странно?

– Ну, потому что весьма странно втягивать голову, как гусак, и дергаться, когда в дверях появляется любой голодный постоялец.

– Я думала, это муж, – пояснила Маша.

Рита криво улыбнулась:

– А кто у нас муж? Волшебник?

– Не совсем, – слабо улыбнулась Маша.

Рита залпом допила остывший кофе и скомандовала:

– Так, грех тут сидеть, когда на улице такие замечательные погоды. Идем к бассейну? Или сразу к морю? На пляже есть приличный бар?

– Есть, – ответила Маша и мысленно зажмурилась от мысли, что с ней будет, когда ее застанут в баре в компании Риты или, того хуже, давешнего красавца-волейболиста. – Но мне надо дождаться мужа...

– Муж, муж... обьелся груш, – сердито проворчала Рита. – Идемте, Маша, я с вашим супругом как-нибудь договорюсь. Глупо приехать к морю и сидеть в номерах. Успеете еще на старости лет, поверьте моему горькому опыту...

– Вы так говорите, будто вам сто лет в обед, – не выдержала Маша.

Рита расхохоталась:

– Это я по инерции. Я столько старух переиграла, что невольно вжилась в роль. Все, идемте, полежим на солнышке, и вы мне все-все расскажете.

* * *

Прикоснувшись кончиками пальцев к голове, Олег охнул, словно его долбанули по вискам бубном. Как же это было громко и больно, черт побери! Полежав еще немного лицом вниз, ощущая кожей запах пропахшей потом и сивушными выхлопами простыни, он пока не нашел в себе сил открыть глаза. После вчерашнего это было ну совсем страшно.

– Маша! – крикнул он, точнее, попытался крикнуть, но из пересохшего горла выскочили только перхающие звуки блеющего козла, и это привело его в бешенство. Сглотнув, Олег осторожно открыл глаза, надеясь увидеть жену, но ее, конечно же, рядом не было.

– Маша! – промычал он жалобно, и похмельная боль без всякой жалости ударила в купол черепа. – Машка, где ты?

Комната ответила тишиной. Олег со стоном поднял голову и увидел на тумбочке, на расстоянии вытянутой руки, бутылки с минералкой и пивом, стакан с водой и две белых таблетки на тарелочке. Трясущейся рукой он дотянулся до стакана, бросил в него таблетки, которые начали растворяться с тихим шипением, и, не дождавшись, открутил крышечку на бутылке с уже слегка нагретой водой и стал пить, жадно, как дорвавшийся до водопоя лось. Осушив бутылку в два глотка, Олег взял стакан и выпил слегка кисловатый напиток, все еще надеясь,

что волшебные таблетки сразу вернут его к жизни. Подперев голову подушками, он улегся на спину и закрыл глаза, ожидая, когда чуть-чуть полегчает, и он сможет вернуть себя в вертикальное положение пивом, без риска отправить содержимое желудка в унитаз. Жена, заботливая и покорная, сбежала, привычно оставив в досягаемой близости необходимые ему средства первой помощи, и сейчас была где-то внизу. Может, в столовой, а может, на пляже, развлекаясь в компании подкачанных юнцов с бронзовой кожей.

Кажется, везти ее сюда было ошибкой. С другой стороны, не оставлять же ее дома так надолго?

Крым внезапно стал довольно привлекательным местом для тех, кто желал заработать, а Олег очень желал, и потому, прихватив жену, поехал на встречу с партнерами, среди которых были инвесторы и алчные чиновники, желающие откусить от вкусного пирога застройщиков жилых кварталов. Быстро такие дела не делались. Нужно было приглядеться к земельным участкам, оценить перспективу, посчитать убытки в виде раздачи взяток и обязательных субсидий для нищелюбов вроде сирот, которым полагались бесплатные квартиры, ветеранов, многодетных семей и прочего человеческого мусора, с коим приходилось считаться. Правда, отлаженные механизмы давно позволяли такие препятствия обойти: всей этой голытьбе якобы давали вожаемые квадратные метры, которые на самом деле становились элитным жильем для чиновников, а, если удавалось подмазать прокурора города или области, новостройки превращались в золото.

На первые встречи, где все прошло гладко, Олег брал с собой Машу, которой надлежало быть просто очаровательной и пореже открывать рот. Жене, надо сказать, удалось произвести сильное впечатление даже не внешностью: были там мадам и покрасивее, с вызывающе вздернутыми бюстами и пухлыми губами. Нет, Маша улучила момент, выскользнула в холл ресторана и, воспользовавшись одиночеством, села за рояль, где бездумно наиграла что-то классическое. Услышав музыку, Олег вышел из ресторана и, увидев Машу, на миг застыл, пораженный мимолетным светом, отразившимся на ее лице. Он и понятия не имел, что она умеет играть, хотя теща вроде что-то говорила о музыкальной школе, но у Олега в ее присутствии всегда в одно ухо влетало, а в другое вылетало.

Он, подогретый виски, сильно разозлился. И, когда Маша увидела его, выражение счастья сошло с ее лица. Сейчас, когда она позволила себе уйти, Олегу очень захотелось ее ударить. Но оказалось, что музыку слышал не только он. Прокурор, которого удалось заинтересовать долей в сделке, вышел из-за портьера и вяло шлепнул в ладошки.

– Господин Куприянов, кажется, вам очень повезло с женой, – сказал он. – Это ж где такие водятся? И умница, и красавица, да еще и талант!

Маша стояла ни жива ни мертва, но Олег расплылся в улыбке. Девочка, умница, рыбка золотая, своими умелыми пальчиками вместе с мелодией подобрала ключик к сердцу престарелого козла, что совсем недавно, выпятив губу, требовал повысить процент от сделки, мотивируя это тем, что никакого Куприянова не знает, а после этого импровизированного концерта вдруг пошел на попятный.

Как он про нее сказал? Умница, красавица? И глаза похотливо блеснули...

Вообще Олегу нравилось видеть в глазах жены страх, а ее покорность только распаляла его. Не всегда, нет, иногда ему требовалась властность, когда он сам становился игрушкой в руках госпожи, но для этих целей у него была припасена другая, надменная Вероника, Мадам Латекс, в высоких сапогах, с плеткой и алой помадой на порочных губах, женщина, не знающая стоп-слова. С ней он был от боли, получая удары хлыста по голым ягодицам, заслуживая покорным бобиком право овладеть ею. Вероника получала от его щедрот ровно столько, сколько стоила, ни копейкой меньше, и это было недешево. К счастью, ее услуги требовались Олегу не так часто. Маша же, казалось, не замечала ни следов на его коже, ни запаха чужих

духов, смешанного с мускусом тела другой женщины, хотя, как она могла не замечать? Просто молчала, и то, что она даже не пыталась устроить ссору, Олега вполне устраивало.

В его дом Маша и без того вошла уже надломленным цветочком. Авторитетный папаша лишил ее права самой выбирать жизнь, поэтому она, вопреки собственному желанию, поступила на юридический, где проучилась без всякой охоты целый курс, а потом ее вытолкали замуж, увидев в Олеге перспективного супруга, за которым бедная девочка будет как за каменной стеной. О том, что у девочки были собственные желания, никто знать не хотел. Олегу бы вообще показалось смешным, если бы Маша высказала какие-то желания. Он ее одевал, возил на курорты, позволял жить в его роскошном доме, где за всем следила вышколенная прислуга. Что еще надо для счастья? И потому год назад для него стало откровением, что Маша вдруг захотела от него уйти. И даже осмелилась с ним заговорить на эту тему.

– Я тебе уйду, – лениво пообещал он. – Еще раз только попробуй со мной на эту тему заговорить...

Чтобы закрепить в ее куриных мозгах серьезность намерений, Олег потащил Машу в спальню и уж там отвел душу, впервые не попытавшись сдерживаться. И когда она вопила от боли, он со свойственным настоящему самцу высокомерием думал, что это – крики страсти. И когда наутро она, синяя от его щипков, решительно собрала чемодан, Олег удивился, да так, что не сразу нашелся что ответить.

А потом он ее ударил.

Наверное, она все равно бы ушла. Решимость, горевшая в ее глазах в тот момент, не угасала долго, вплоть до момента, когда она уползла в ванную, вытирая разбитый нос и поскуливая, как щенок. Но, даже получив урок, Маша начала отбиваться от рук, и потому Олегу пришлось распускать свои, что, казалось, только раззадоривало ее. И теперь следить за хозяйкой приходилось прислуге, которая докладывала Олегу о каждой попытке этой дерзкой соплячки свинтить. Но она оставила все попытки после того, как ее мамаша, высокомерная красавица, увядающая королева, вдруг обнаружила у себя рак. И Олегу доставило невероятное удовольствие наблюдать за унижением всей семейки, пришедшей к нему на поклон. Особенную радость он испытал, когда просить за мамашу принялась его благоверная, унижаясь, стоя на коленях. Тесть, кстати, просил не так горячо. То ли смирился, то ли давно бегал налево. Олег долго хохотал, когда узнал, что тесть имеет схожие интересы с ним и похаживает к госпоже вроде Вероники, только классом ниже.

Конечно, он заплатил за лечение тещи, не чужой все-таки человек, отправил ее в Израиль, с удовольствием устраивал конференции по видеосвязи, хихикая, когда теща, лысая, с обмотанной тряпкой головой, угодливо рассыпала перед ним бисер. Но даже тогда Олег подсознательно думал, что жена еще не оставила своих попыток обрести свободу. И это даже добавляло в его семейную жизнь некую перчинку, хотя все попытки Маши вырваться из его тенет были совершенно беспомощными, пока не прекратились вовсе. Теща все никак не хотела выздоравливать, и денег на ее лечение уходило немерено.

Он заблокировал карты жены, установил программу-шпион на ее телефон и периодически поглядывал, где она пропадает, с огромным удовлетворением отмечая, что она довольно мало перемещается и ничего не пытается покупать. Дай он ей волю, она бы и за собой следить перестала, а ему этого не хотелось. Олег оборудовал в подвале тренажерный зал и заставлял Машу заниматься там, хотя поначалу хотел просто оплатить ей фитнес в клубе. Но в зале, среди этих куриц с силиконовыми грудями и мозгами, жена могла вновь нахвататься дурных мыслей, к тому же там он не мог проследить, чтобы к ней не подкатил красавец с волевым подбородком и набором дежурных комплиментов. Занимаясь в залах, женщины частенько подцепляли такую заразу, как феминизм, наивно полагая, что представляют из себя что-то большее, чем пара титок в придачу к хорошенькому личику.

Ограничив передвижения жены, Олег испытал мстительное чувство превосходства. Запертая в доме, как Рапунцель, Маша мало-помалу теряла связь с реальным миром, становясь все более покорной, как киношная Гюльчатай, бродила по дому или саду и, казалось, радовалась его возвращению с работы, как верная собака. Взяв Машу в Крым, Олег думал, что после этого жена будет ценить его куда больше. А сейчас, когда ему было необходимо, чтобы она сидела рядом, Маша исчезла.

И это выводило его из себя.

* * *

Муж, о котором говорила Маша, настиг их на пляже, когда они трепались за жизнь. При чем трепалась в основном Рита, а Маша слушала, и в ее глазах плескалось что-то вроде зависти к той жизни, которая ей была недоступна. На пляже с утра уже было не протолкнуться, но два свободных шезлонга все-таки нашлись, правда не в очень удобном месте, далеко от воды, в тени высоких туй. Маша разделась, а вот Рита осталась в своей хламиде.

– Я стараюсь не загорать, – пояснила она. – Вредно для кожи, да и вообще... К началу сезона ты возвращаешься на сцену, и это очень плохо, когда ты играешь жертву Освенцима, а сама при этом как головешка черная. Зритель не поверит, что ты от голода умираешь, когда у тебя такой цветущий вид. Грим придется класть штабелями, а от этого потом вся кожа в угрях. Так что чем-то приходится жертвовать даже на отдыхе. Да и вообще, Машенька, я вам тоже не советую долго быть на солнце. Постареете раньше времени.

– Да без разницы, – апатично ответила Маша, и, хотя послушно залезла поглубже в тень, в ее тоне слышались слабые отголоски подавленного бунта. Рита эту интонацию безошибочно уловила. Попотчевав Машу театральными байками, Рита весело рассказала о своей жизни, признавшись, что в Новосибирске бывает часто, но сама она не тамошняя, а из Екатеринбурга в Новосибирск ездит по приглашению театра. Отпахав сезон, возвращается домой, хотя это ее ужасно изматывает. Поэтому она даже прикупила квартиру в новостройке «в очаровательном районе, на берегу реки», но не успела ее толком обставить. Вынув телефон, она с затаенной гордостью показала Маше дом и квартиру, небольшую, очень светлую.

– И главное – все сама, – сказала Рита, вызвав у Маши легкую зависть. – Копила, во всем себе отказывала. Можно было бы в кредит, но очень не хотелось этого рабства.

Примерно в это время на пляже появился мужчина в черной футболке и шортах цвета хаки, при виде которого Маша тут же перестала улыбаться, съежилась и инстинктивно поджала колени к подбородку. Глядя на ее реакцию, Рита моментально все поняла и глянула на мужчину чуть внимательнее, чем он того заслуживал.

Ну, так себе. Мелкопоместный буржуйчик с волевым подбородком и мутной водичей во взгляде. Капитал нажил трудом несправедным, это к гадалке не ходи. Не лишен привлекательности, но в свои – сколько ему? – сорок? – обрюзг от выпивки, сдал и превратился в развалину. Бледная копия чудовища, от которого она в свое время дала дёру. Судя по реакции запуганной женушки, из тех, кто в детстве отрывал мухам крылья и с наслаждением наблюдал, как они беспомощно крутятся на одном месте. Сомнительно, что готов биться в настоящей схватке с истинным хищником, скорее будет доминировать над слабыми, самоутверждаясь таким образом. Год назад она бы сама поостереглась связываться с подобным, но сейчас попытки нагнать на нее страху вызвали бы разве что нервный смех. Вон как зыркает. Недоволен, что его верная наложница сбежала из гарема. Рита с такими прекрасно умела обращаться. Они таяли в ее руках, как воск, теряя все свое мужское превосходство. И потому, взглянув на посеревшую Машу, Рита торопливо шепнула:

– Мужа как зовут?

– Олег, – прошептала она, не сводя с приближающегося супруга глаз.

Рита дождалась, пока он, увязая в гальке, подошел ближе, и отбила его недовольство вежливой улыбкой.

– А это, наверное, Олег, – радостно сказала она, подавая ему руку. – Очень рада. Ваша супруга только о вас и говорит.

Сивушным выхлопом, который вырывался из его отделанной керамикой пасти, можно было выжигать посевы, и Рита с трудом не поморщилась. Ей до смерти хотелось съязвить, что зубы такой белизны просто верх неприличия и напоминают свежий толчок, но сдержалась. Теперь, когда он стоял рядом, Рита узнала эту фигуру: это же он в компании еще двух алкашей выделявал коленца на входе, когда она только въехала в отель.

– Очень рада познакомиться, – сказала она и подарила ему призывный взгляд, от которого самцы падали штабелями. – Меня зовут Маргарита.

Олег взял ее руку, явно не понимая, что с ней делать: пожать или поцеловать, мазнул взглядом по сережкам, опустил взгляд на кольцо, а затем поплыл, оценив эксклюзивную цацку, и действительно чмокнул ручку, хотя в шортах и шлепанцах это выглядело комично.

– И что же такое рассказывала вам моя жена? – насмешливо спросил он, но руку не выпустил, поглаживая большим пальцем ее сухую кожу.

«Например, то, что ты ее бьешь, – подумала Рита. – Наверняка просто так, потому что тебе надо сорваться хоть на ком-то. И она замазывает синяки тональником. Следы на ее руках вряд ли от пылкой страсти. А еще ее начинает корезить, едва ты оказываешься рядом, хотя пять минут назад она казалась вполне нормальным человеком».

– Исключительно хорошее, – нашла Рита и вновь одарила его томным взглядом. – Не каждой женщине в мужья достается такой внимательный и заботливый человек.

Олег вновь бросил на жену насмешливый взгляд, на который она ответила жалкой улыбкой, а после расплылся в довольной ухмылке.

– Ну, раз Машуня так говорит, – снисходительно согласился он. – Мне тоже очень приятно с вами познакомиться. Давно вы приехали?

– Вы для меня просто находка, – сказала Рита, не ответив на его вопрос. – На самом деле на юге трудно встретить интеллигентных людей своего круга... Ну, вы меня понимаете.

Она многозначительно уставилась ему в глаза и даже очки слегка приспустила на нос, чтобы придать значительности сказанному, а Олег кивнул. Играя эту законченную комедию, Рита развлекалась, недоумевая, неужели в современном мире человек может принять эти средневековые расшаркивания за чистую монету. Люди так даже не разговаривают. Разве что на светских раутах, где лицемерие плещется через край. Но, видимо, Олег на раутах бывал часто, так как безоговорочно принял эти правила игры. Подойдя к жене, он обнял ее, чмокнул в висок, не заметив, как та передернулась, словно ее ужалили. Рита улыбалась застывшей стеклянной улыбкой, с удовольствием глядя, как у Олега по вискам течет пот, а от похмелья ему тяжело стоять на солнце. Кажется, Олег и сам это понял, потому что накренился и схватился рукой за стойку зонта, едва не повалив его на женщин.

– Мы вчера немного перебрали, – сконфуженно объяснил он. – Бизнес, сами понимаете. Удачная сделка.

– Конечно-конечно, – согласилась Рита. – Это бывает. Я и сама напиваюсь в слюни после каждой премьеры, так что мне ли не понимать... Вам бы в тенек. А еще лучше покушать, да, Олег? Супчика горяченького, да с потрошками, а?

Она так ловко, с надрывной хрипотцой, спародировала известного на всю страну актера, что Олег расхохотался, хотя ему и правда было тяжело стоять. Он даже удивился, что вся его злость на жену прошла. Глядя на эту милую бабенку в нелепых одеяниях и скоморошьем тюрбане на голове, Олег понял, что она права и ему действительно хочется супчика, борща например, жирненького, кисленького, с капусточкой и куском мяса, да побольше, целую миску,

чтобы выхлебать ее, как свинья, зарывшись в багряную жижу по самые уши. А когда эта баба стряхнула с себя великосветскость и перешла на жаргон, это было замечательно.

– Вы актриса? – спросил он, и она царственно кивнула:

– Актриса. Если хотите, вечером я попотчую вас отборными историями о том, что происходит в закулисе, правда, ввиду моей провинциальности, без громких имен, но это очень весело. Давайте посидим вечером втроем?

– А давайте, – согласился Олег и поглядел на жену. – Часов в шесть, да? Или в семь? Кстати, Машунь, пойдем пообедаем?

– О, не отнимайте ее у меня, – взмолилась Рита. – Мы только с завтрака и еще не успели перемыть кости всем местным бабам. К двум часам мы сами уползем в номера, потому что солнце будет невыносимо. Ну же, Олег, не будьте букой, дайте девочкам почесать языками!

Он с сомнением поглядел на жену, которая уже понуро опустила голову и начала собирать в сумку пляжные принадлежности, и махнул рукой. Солнце уже разбудило старые дрожжи, и Олег чувствовал, что ему надо не столько поесть, сколько прилечь.

– Ладно. Болтайте. Встретимся в семь?

– В семь, – безмятежно подтвердила Рита.

Она дождалась, пока он отойдет на безопасное расстояние, и, повернувшись к Маше, все с той же вежливой улыбкой спросила:

– Объясни, какого черта ты до сих пор живешь с этим уродом?

* * *

Целых три дня Маша наслаждалась обществом внезапно приобретенной подруги. За неделю она впервые позволила себе прогулки по окрестным магазинчикам и живописным улочкам, в компании кого-то иного, а не мужа, который от магазинов зверел, а прогулки ненавидел, срываясь на ни в чем не повинных людях. Более того, Олег спокойно отпускал ее с Ритой, не требуя ежеминутных звонков и отчетов, где они сейчас и чем занимаются. Маша видела в этом то, что муж по непонятной причине решил, будто Рита положила на него глаз и, возможно, во влажных мечтах представляет горячий секс с лучшим мужчиной все ее жизни. По вечерам они собирались в ресторане, иногда к ним присоединялись друзья Олега, как правило, к тому моменту пьяные в стельку. Рита, подвыпив, потчевала компанию театральными байками, от которых все просто умирали со смеху.

– Однажды я играла графиню, – чувственно изрекла Рита, глядя сквозь бокал на знакомого Олега, которого муж представил просто: «Павел, очень важный человек в местной администрации». – Спектакль был дрянной, мы даже сезона не доиграли, на него публика не ходила, хотя труппа была прекрасная. Но, увы, бездарность пьесы ничто не спасло бы, даже если бы прямо у всех на виду Брэд Питт овладел Раневской... Ну, словом, я играла графиню. Там была сцена: за кулисами стреляют, я кричу: «Что это?», а вбегающий слуга отвечает: «Ваш муж!» Но слугу играл какой-то необстрелянный сопляк. Я тут хватаюсь за сердце, кричу, как и положено, а он вместо «ваш муж!» вопит «вах мух!» Тут даже меня переключило. Я схватилась за сердце и пискнула: «Ах, мох мух!» – и упала в обморок. Это был грандиозный провал!

Компания весело рассмеялась. И Маша рассмеялась, хотя была уверена, что уже слышала или читала эту историю. Но убедила себя, что ей померещилось или же это действительно случилось именно с Маргаритой. В конце концов, оговорки так естественны. Через несколько минут Рита с тем же успехом рассказала, как в их театре однажды по причине отсутствия медведя в шкуру нарядили мужика, умеющего этим самым медведем ходить, смешно косолапя, и когда за кулисами неожиданно грянул гром, не предупрежденный медведь вдруг перекрестил. Маша вновь посмеялась вместе со всеми, хотя эту историю точно уже слышала, причем в далеком детстве, с экрана телевизора. Наблюдая за пьяной и веселой Ритой, которая под

конец вечера позволила увести себя в номера Павлу, Маша почувствовала легкое беспокойство, но не придавала этому особого значения.

Тогда, на пляже, Маша не осмелилась признаться в том, что уже года три как терпит бесконечные издевательства, пробормотала невнятное оправдание и торопливо перевела разговор на саму Риту, а та, прищурив глаза, тему Машиного замужества оставила, но было видно, что не навеки.

Самым лучшим во всей этой истории знакомства с Маргаритой было поведение Олега, который вдруг вспомнил, что Маша – его жена, а не груша для битья, и целых три дня был с ней почти нежен. Хотя «почти» тут подходило мало, просто за время несчастливого брака она разучилась принимать ласки мужа без опасения, что его настроение изменится до такой степени, что она полетит на пол с очередным синяком или разбитым носом. Маша ничего не знала о его новых друзьях, с которыми он проводил столько времени и коих старательно поил. Если поначалу она должна была изображать радушие, то теперь эту миссию взяла на себя Маргарита, охотно выпивая и деля с гостями постель. Олег теперь не напивался до скотского состояния, и иногда Маша ловила его настороженные взгляды и тонкую улыбку, будто он был рад тому, что Рита закрутила с Павлом курортный роман. Павел и его приятели Маше не нравились. Было в них что-то сальное, мерзкое, а выпив, они моментально превращались в обычное быдло. Но теперь ее не трогали, и она была рада, что не получает тумачков, когда случайно попадает Олегу под руку, а происходило это нередко, при самых разных обстоятельствах, но чаще всего – когда у него просто было паршивое настроение. В эти дни прислуга пряталась по щелям, и Олег срывался на жене. После неудачной попытки уйти Маша мужественно ждала, дав себе зарок, что сбежит, как только поправится мама, а та все болела, и на ее лечение требовались какие-то невероятные деньги. Поэтому Маша смирилась. Натыкаясь на спутниц друзей Олега, Маша недоумевала, как им может нравиться такая жизнь? Хотя не факт, что они испытывают то же самое. Стоило ей начать сердиться или пытаться дать отпор, как Олег просто багровел от ярости, да так, что Маша не на шутку пугалась. Поэтому она просто отказалась от всех попыток бунта и впала в тоскливую безысходность, предпочитая отмалчиваться и смиренно позволять пользоваться собой, а потом беззвучно плакала, уткнувшись в подушку и презирая себя за то, в какое ничтожество она превратилась, и родителей, которые, по сути, продали ее чудовищу, наплевав на все ее желания и превратив в поводок к дойной корове.

С появлением Риты все... не то чтобы изменилось, но как-то сдвинулось с мертвой точки.

Там, на пляже, когда солнце припекало просто убийственно, а тент уже не особо спасал от жары, Рита, собирая вещи, вдруг села на свой шезлонг и заставила Машу опуститься рядом.

– Иногда надо просто уйти, – сказала она. Это было даже не продолжение разговора, ведь за пять минут до того они по-женски обсуждали тряпки. Маша опешила, а Рита, держа ее за руку, задумчиво погладила большим пальцем синяки на ее запястьях. – В какой-то момент ты отчетливо понимаешь, что жизнь коротка, а ты никому и ничем не обязана: ни родителям, ни мужу, ни детям, ни коллегам, ни любым посторонним людям. Такая жизнь, знаешь, как критическая масса, которая накапливается, а потом – бац! И катастрофа. И ты кувырком. Чаше мордой вниз.

– Я тебя не поняла, – тихо сказала Маша и вырвала руку. Рита невесело улыбнулась и сквозь легкий загар отчетливо проступила синюшная бледность. Подруга показала Маше безнадежно старой.

– Все ты поняла, – четко сказала Рита. – Если чайник свистит, его надо снять с плиты. Иначе вода выкипит и все к чертям сгорит, вместе с плитой и домом.

– Какой чайник, что ты говоришь? – рассердилась Маша. Рита рассмеялась и постучала ее по макушке.

– Вот твой чайник. Вовсю кипит, уже из носика капает.

Маша не захотела продолжать этот разговор, хотя понимала, что Рита права. А вечером новая подруга вела себя как ни в чем не бывало и о разговоре про кипящий чайник не вспоминала. Легко войдя в компанию Олега, Рита послужила прекрасным развлечением, встречалась с четой Куприяновых на завтраке, дожидаясь церемонного поклона и поцелуя в иссохшую руку. Маша не спрашивала, что с ней, но догадывалась, старательно обходя тему здоровья. Но, – больная или здоровая, Рита развлекала обоих. Маша вдруг осознала, что действительно с удовольствием завтракает в отельном ресторане, напротив сидит Олег, уплетая свою порцию, и на его лице блуждает улыбка, почти незнакомая, какой она не видела уже очень давно. Маша не знала, чем так доволен ее муж, и смутно связывала это с новой знакомой, но спросить не отваживалась. Хотя, вероятно, довольство Олега было из-за недавнего разговора с Павлом, когда они обсуждали какие-то важные дела и смотрели документы, а она вернулась с прогулки с двумя пакетами покупок в руках. А вечером, когда Маша пришла в номер, то застала Олега в постели, почти трезвым. Он не спал и, когда она легла рядом, сразу повернулся к ней лицом, и, главное, с улыбкой, которая ее поначалу испугала. Но потом она позволила ему коснуться ее груди и улыбнулась сама, робко, как впервые, не чувствуя того страха, что испытывала почти постоянно. Они по-настоящему занимались любовью, и Маша даже испытала позабытое удовольствие.

Так продолжалось целых три дня. Маша все хотела поговорить с Ритой и рассказать, что та ошибалась, и вообще она ей очень благодарна, но не успела.

Потому что на третий день разразилась катастрофа.

Глава 2

Началось все с достаточно невинного происшествия, которое запустило колесо трагических событий. Несколько дней Маша думала, что жизнь, по сути, может быть вполне сносной, если знать, на какие кнопки нажимать, а какие острые углы обходить, хотя, казалось бы, за короткий срок своего брака она вполне могла усвоить эти истины. Обходить углы она не научилась, а давить на кнопки не получалось, механизм управления мужем не действовал. Он мог управлять ею, а она им – нет. На примере новой подруги Маша поняла, что манипулировать можно любым человеком, просто сама она в этой игре была совершенно беспомощна. Но, получив короткую передышку, Маша апатично пустила все на самотек и решила не будить лихо. Пусть идет как идет.

Олег все улаживал свои дела, договариваясь о застройке целого квартала, и переговоры, сдвинувшись с мертвой точки, вроде бы шли в нужном направлении. Единственным, кто продолжал артачиться, оказался Павел Доронин. «Просто важный человек» из администрации занимал кресло заместителя мэра, а тот в свою очередь, не желая пачкаться лично, получал все откаты от строек и продажи земельных участков. Цифры зашкаливали за миллионы, так что неудивительно, что Павел, попутно обхаживая Маргариту, желал получить кусок побольше, чем ему предлагали лично, и, когда партнеры артачились, рубил все начинания на корню. Олег бесился, но еще держался в рамках, хотя Маша видела плещущуюся в его глазах ярость и старалась держаться подальше.

На пляже, где они с Ритой потягивали коктейли, женщины старательно обходили несколько скользких тем: семейную жизнь Маши и болезнь Риты, которая на фоне загорелых отдыхающих сильно бросалась в глаза. Бесцеремонная Рита отказалась от попыток что-то выведать о жизни подруги и продолжала рассказывать о себе, беззаботно пересказывая истории из жизни актерской труппы. Маша улыбалась и кивала, всплескивала руками в нужных местах, чувствуя, как в душе продолжает суетиться червячок неясного сомнения.

Где-то к полудню, отлежав все бока, Маша уже собралась предложить уйти с пляжа, когда к ним подошла цыганка: пожилая, сморщенная, в каком-то нелепом тряпье зеленого цвета, с пошлыми блестками, изрядно поношенном и засаленном, и в длинном фартуке поверх платья. Из-под тряпки на голове, что, видимо, играла роль платка, торчали седые пакли. Маша поймала себя на том, что смотрит на нее как замороженная. В ее реальной жизни никогда не случалось, чтобы подобные люди вот так запросто подходили к ней где-то на улице. В последний раз она видела цыганку... Она задумалась и не смогла вспомнить где. Разве что на улице, мельком, в беснующемся таборе разноцветных юбок у торговых центров, где вместе с толпой женщин всегда прыгали и скакали чумазы детишки обоих полов. Сейчас цыганки выглядели вполне современно, одевались дорого, пусть и ярковато, напяливая на себя всю сверкающую мишуру своих сорочьих гнезд. Но эта бабка неопределенного возраста смотрелась так, словно явилась откуда-то из прошлого. Маша даже подумала: нет ли у нее золотых зубов?

– Давай погадаю, красавица, – прокаркала старуха, обращаясь непонятно к кому. – Всю правду скажу, ничего не утаю.

На фоне предложений вареной кукурузы и чурчхелы эта услуга на пляже дорогого отеля выглядела весьма экзотично. Немногочисленный персонал, ковыряющийся в баре, на старуху не обращал внимания, охранник, скукающий у пирса, даже не оглянулся. Когда она открыла рот, Маша увидела, что ее догадки подтвердились даже в большей степени. У старухи все зубы были золотыми. Дыхание цыганки было кислым, с ощутимым гастритным флером гниющего мяса.

– Проходи мимо, бабуль, – лениво ответила Рита и помахала в воздухе телефоном. – Денег все равно ни копейки. Так что не позолочу я тебе ручку. Или в тебе где-то терминал встроено? Куда телефон прикладывать?

Она расхохоталась как гиена. Это выглядело грубо. На смех оглянулся охранник, мазнул взглядом по цыганке и вновь уставился на чаек.

– Погадайте мне, – неожиданно предложила Маша.

– Тебе что, делать нечего? – рассердилась Рита. – Она сейчас тебе голову заморочит, не успеешь глазом моргнуть, все ей отдашь: колечко, сережки, телефон... Про цыганский гипноз никогда не слышала? Даже не думай. Я не позволю облапошить ни тебя, ни себя... Давай, бабуль, вот тебе вектор на зюйд-вест, двигай по фарватеру.

Цыганка зло покосилась на Риту и замахала руками.

– Я не собираюсь гадать тебе. Я погадаю ей. Она не боится так за свои деньги, как ты. Это ты перебираешь каждую копейку, как зерна проса. Ее деньги легкие, а твои не принесут ничего хорошего ни тебе, ни мне. Так что не бойся за свои гроши, я их не возьму.

– Ну, началось, – лениво протянула Рита. – Сейчас начнет слагать песни про страшные проклятия, которые снимаются только золотом, а потом ты очнешься в номере без серег, колец и цепочки. Все их рассказы одинаковые. И все всегда кончается одинаково: тебя начинают сильно грабить. Чего замолчала, старая? Пой соловушкой про родовые тайны и знамения, а я послушаю.

– Я правду говорю, – спокойно ответила цыганка. – Никто никогда не говорил и не скажет, что Ляля врет. Лечь мне в могилу, если я неправду скажу. Что карты откроют, то и поведаю. А картам все равно, кто перед ним. Мне не все равно, а им одинаково, так что я ей всю правду скажу. Тебе-то все одно правда не нужна, ты сама такие кружева плетешь, любо-дорого.

– Рит, ну чего ты? – взмолилась Маша. – Пусть уж. Мне никогда не гадали. Должно же у меня хоть что-то быть как у всех?

– Давай, шарлатанка, – усмехнулась Рита, но ее глаза вспыхнули злыми огоньками. – Вещай. Я тут в сторонке постою, чтоб, если что, за руку поймать, когда ты с моей подруги сережки начнешь снимать, гадая на бубнового короля с марьяжной дамой на сердце.

Получив разрешение, цыганка вынула из кармана засаленные карты, которые показались Маше странными, пока она не поняла, что это не обычная игральная колода, а таро, причем очень старая, с обтрепавшимися краями, словно поеденными тлей. Смешав колоду, старуха предложила Маше сдвинуть ее, что та и сделала, а потом цыганка принялась за дело. Маша с любопытством глядела, как старуха раскладывает карты на подоле собственной юбки, разложенной на шезлонге, словно таро не должно было касаться ничего нечестивого из жизни богачей. На белом полотенце грязная юбка выглядела инородным телом, Маша подумала, что полотенце надо попросить не просто постирать, а продезинфицировать, а еще лучше – сжечь. Разложив карты в виде буквы «Т» – три карты на горизонтальной перекладине, четыре на вертикальной, цыганка добавила к ним еще одну горизонтальную линию. А потом начала переворачивать карты, причем делала она это в какой-то своей последовательности.

– Ну, смотри, моя красавица, – вкрадчиво начала цыганка. Ее голос был сиплым, а в тощей груди хрипел сломанный мотор, словно кто изрешетил ее легкие, и воздух оттуда вырывался как из дырявой гармошки. – Если ты про проклятия какие думаешь, то нет у тебя ничего такого. Настоящее проклятие надо заслужить, а ты не заслужила. Но и счастья не знала, хоть каталась как сыр в масле. Многие тебе завидуют, твоей жизни желают. А вот ты себе такой не желала. Видишь эти девять мечей? Это мужчина, что рядом с тобой, жестокий мужчина, властный. Повязана ты с ним клятвой. И тебе с ним плохо. Чужие деньги вижу, много их вокруг тебя. И крови на них много. Все от мужчины твоего идет. Один обман вокруг тебя. Все поменяется, когда Шут свою миссию выполнит и сгинет. А как сгинет он, ты его колпак и примеришь да на Колесницу сядешь. Все придет к тебе с новой любовью, что тебя спасет, и ты ее спасать

будешь, огнем заливая до самых небес. И пока ты не выжжешь все огнем, не успокоишься ни ты, ни Король Мечей, что придет с Шутом и за Шутом.

Хрипы в груди цыганки становились все слышнее, и последняя фраза прозвучала как из преисподней. Слушавшие старуху женщины застыли, безмолвно глядя на костлявые пальцы, тыкающие в засаленные картинки. В тот момент, когда она это произнесла, на солнце напозло облако. Свет сразу померк, и Маша невольно поежилась, до того зловеще прозвучало это предзнаменование, но Рита, очнувшись, рассмеялась и разрушила весь эффект, заставив Машу вздрогнуть.

– А ну, давай мне, – приказала она. – Только не надо вот этого расклада. Всего одна карта. На судьбу. Что меня ждет в будущем?

Старуха пожала плечами, смешала колоду и протянула ее Рите. Та, не глядя, вытянула карту и, перевернув, бросила на шезлонг.

– Что это? – спросила она, глядя на засаленную картинку.

– Девять мечей, – ответила цыганка.

– И что это значит?

– Болезнь, ведущая к смерти.

Рита скривила губы и принужденно улыбнулась.

– Боже, какая наблюдательность. Увидела меня и все поняла... Ну-ну. Давай еще одну!

Цыганка попыталась смешать карты, но Рита вырвала колоду из ее рук и, не глядя, вытянула еще одну карту. Посмотрев на картинку, она заметно побледнела.

– Дьявол? – спросила она слабым голосом. Цыганка ответила ей сочувственным взглядом. Рита сжала губы и, перетасовав колоду трясущимися руками, вынула еще одну карту и, поглядев на нее, выдохнула с облегчением:

– Ну вот, Башня. Или что это? Что это значит? Буду жить во дворце? Башня – это же хорошо? Да? Или...

Цыганка промолчала. Маше показалось, что Башня – это совсем не хорошо, и она, вытащив из сумочки деньги, сунула их цыганке.

– Вот, возьмите. Рит, пойдем, солнце в зените. Мы сгорим с тобой, как головешки...

– Нет, погоди, – заупрямилась Рита. – Третий раз – он волшебный. Он – самый решающий. Слушай, ты, Заза, или как там тебя... Давай на две. Можно же на две?

Ее руки тряслись, и карты не слушались. Цыганка прыгнула и схватила колоду, но Рита вцепилась в нее мертвой хваткой. Сальные карты вырвались из ее рук и взмыли кверху, разлетевшись по песку. На шезлонге, среди десятка упавших, оказалось всего две карты, лежащих рубашкой вниз. Рита схватила их, успев сделать это раньше цыганки.

– Это что? Туз? А почему он с мечами? А это... Смерть, да? Что это значит? Что это значит, отвечай! – взвизгнула Рита.

На них уже оборачивались, и скучающий охранник вдруг вспомнил о своих обязанностях и двинул к скандалящим женщинам, сообразив, что какая-то старая оборванка пристает к VIP-гостям, хотя на территории отеля пляжа ничего подобного происходить не должно. Старуха, бормоча на своем языке что-то неприятное, ползала, собирая карты, а Маша пыталась увести Риту, в один момент впавшую в буйство. Золотой тюрбан сполз с ее головы вместе с париком, и Маша торопливо нахлобучила его обратно, а Рита все бесновалась, порываясь пнуть цыганку, пока та не пустилась наутек. Только тогда Рита выдохнула и без сил опустилась прямо на песок, уткнув лицо в колени. Охранник потоптался рядом, с сомнением поглядел вслед уходящей цыганке, но на всякий случай решил спросить:

– Дамы, у вас все в порядке? Она вам что-то сделала? Что-нибудь украла? Ради бога, простите за такую оплошность. Ручаюсь, на территории нашего отеля прежде ничего подобного...

Охранник запинаясь от волнения, явно не желая, чтобы на него настучали.

– Все хорошо, – торопливо ответила Маша, надеясь, что Рита сейчас не начнет требовать, чтобы старуху затравили псами или утопили в море. – Мы просто слегка расстроились.

Он еще немного постоял рядом, а потом отошел, махнув рукой на вопрошающий взгляд бармена. Рита молчала, и только ее худые плечи тряслись под пурпурной хламидой.

– Рит, ну ты чего? – ласково спросила Маша. – Она же обманщица, шарлатанка, ты сама сказала. Это все чушь, аттракцион для лохов легковых, какие-то шуты, короли и колесницы... Ну, что за средневековье? Ты же помнишь, что она мне сказала? Там такая ахинея, ни слова правды. Просто ты на нее наорала, вот она и решила отомстить. Карты же не могут ничего такого, Рит... Рит? Пойдем в отель? Примешь прохладную ванну, приляжешь, отдохнешь, и все пройдет... Да? Рит? Пойдем, а?

– Да, – буркнула Рита и подняла голову. Ее глаза были совершенно сухими. – Пойдем. Это и правда все развод. Просто так всегда: дурак дурака видит издалека, а обманщик – обманщика.

– Ты о чем? – не поняла Маша.

– Ни о чем. Пойдем правда в отель. Что-то я подустала сегодня.

* * *

Маша предполагала, что Риту серьезно задело пророчества цыганки, но не подозревала насколько до самого вечера. После того как они ушли с пляжа, Рита, сославшись на неважное самочувствие, ушла к себе в номер и на обеде не появилась, что было неудивительно, хотя по дорожке к номерам от Риты чуть ли не искры летели. Олег отсутствовал, чему Маша порадовалась. Выходя на обед, она первым делом сходила в столовую и, обнаружив отсутствие Риты, обошла еще два отельных ресторана и бар. Не найдя подругу, она робко поскреблась в ее двери, но Рита не открыла.

Сама Маша не хотела признаваться, что карты ее по-настоящему заворожили и, хотя она не принимала их всерьез, пророчества выглядели пугающе достоверными, хотя и совершенно непонятными. А после того, как с Ритой случился припадок, почти все, что говорила цыганка, выветрилось у Маши из головы. И потом, любое пророчество таро можно было толковать в свою пользу. Хотя цыганка угадала и про жестокого мужчину, и про чужие деньги, оставалось непонятным, кто такой Шут и что такое Колесница. А вот карты, выпавшие Рите, Маша запомнила отчетливо. За обедом, когда она без всякого аппетита ковыряла салат, Маша воспользовалась интернетом и с тревогой, но без всякого удивления узнала, что карты, выпавшие Рите, были плохими и указывали на смерть, причем никакого двойного толкования не было.

«Фокус, – мрачно подумала Маша. – Просто фокус старой шарлатанки. Увидела изможденную женщину, которая еще и оказалась груба, вот и решила проучить ее. Все просто».

С другой стороны, Маше цыганка тоже не пророчила какого-то безоблачного счастья. На пути к нему все следовало выжечь огнем, а это было совсем непонятно. Допустим, глядя на Риту, старая ведьма угадала, но как она узнала про богатого и властного мужа Маши? Увидела сходящие синяки? Связала их с кольцом на пальце? В таком случае ей надо не на картах гадать, а в следователи идти или в психологи. Маша вспомнила, как на шезлонге, когда Рита рассыпала колоду, тоже оказались смертные карты.

Как там говорил известный телеведущий? Совпадение? Не думаю. Это же каким Коперфильдом надо быть, чтобы подсунуть клиентке именно те знаки, которые говорят о неминуемой кончине, да еще в ситуации, когда карты просто летят вверх и падают. С другой стороны, фокусники и не такое могут. Смогла бы бабка организовать подобное представление при помощи подручных средств и, так сказать, экспромтом? Рита могла не повестись и не начать психовать. Сомнительно, но все возможно. Многоопытная бабка заранее определила, что Рита истеричка, вывела ее из себя, устроила фокус, а про смерть и болезнь просто догадалась. Это на самом деле несложно. После заболевания матери Маша и сама без всякого рентгена на глаз

могла определить онкобольных, даже если те были прилично одеты, покрашены, а их парики казались стопроцентной шевелюрой. Было что-то особенное в прозрачности их кожи, бесконечной усталости и покорности в глазах, вымотанных химиотерапией. Маша вспомнила, как выглядела мать в первые дни, когда ей сообщили о диагнозе, во что она превратилась в клинике и как долго ждала ремиссии.

А после Маша вспомнила, что произошло потом, и торопливо, испуганно выкинула мысли о матери подальше, ощущая себя так, словно схватила руками осклизлую жабу, в очередной раз чувствуя себя преданной, точнее, проданной чудовищу. Недозрелый бунт, который она давила в себе уже лет десять, вдруг вновь проклюнулся, выпустил цветки и стал с наслаждением плевать ядом.

Она не понимала, связано ли это с тем, что в своем смирении она дошла до предела, или с тем, что новая подруга невольно открыла ее темницу, но в тот день Маша, оставив на столе недоеденный салат, встала с четкой мыслью: больше не хочу.

* * *

Ближе к шести вечера, когда Маша уже собралась идти в отельную столовую со шведским столом, явился Олег и велел ей одеться понаряднее. Им предстояло отправиться в ресторан, где уже был заказан столик, а Олегу надо было окончательно договориться с партнерами, особенно – со строптивым Павлом, который плохо поддавался влиянию и уговорам. Пил он много и охотно, но при этом продолжал контролировать ситуацию. Павел, к несчастью Олега, принадлежал к той категории людей, у которых пьянело тело, а не голова. В последнее время он, правда, слегка поплыл, и Олег видел в том результат уговоров, посулов и влияния этой актрисульки с лысой, как коленка, головой, которую она старательно драпировала в тюрбаны и парики. Магнетизма этой женщины он не отрицал, хотя представить, что он сам забирается на нее в постели, никак не мог. Это смахивало на какую-то некрофилию. Олегу при таких мыслях всегда виделась теща: высокомерная, мнительная, дрянная баба, у которой лишь волею судьбы получился такой цветочек, как Маша, цыпленок в гнезде падальщиков.

Сейчас жена стояла перед ним, и ему на миг показалось, что в Маше что-то изменилось, неуловимо, почти незаметно, но он так и не понял что. Прическу сменила, что ли?

– Сегодня тебе надо очень хорошо выглядеть, – приказал он. – Через час мы едем в ресторан. И скажи своей подружке, что она едет с нами.

– Я не думаю, что Рита поедет, – ответила Маша. – Она сегодня не очень хорошо себя чувствует.

Этот ответ Олега удивил и рассердил. Обычно Маша, склонив голову, тут же бежала исполнять его распоряжения, как верный солдат, а тут она даже гардероб не открыла и вообще с места не сдвинулась.

– И что с ней? – спросил Олег, хотя ему было все равно, что с Ритой. Она должна была пойти, и все тут. Этого требовали обстоятельства, причем она должна была не просто пойти, а быть очаровательной, а в финале в очередной раз переспать с Павлом, которому, похоже, нравились юродивые. То, что это могло не входить в план Риты, Олега не интересовало.

Маша не ответила, лишь плечами пожала, причем абсолютно спокойно, подошла к шкафу и стала копаться в платьях, что висели на плечиках.

– В ее состоянии это нормально, – глуховато ответила она.

– Поговори с ней.

– Не уверена, что она послушает. Она даже на обед со мной не пошла и не звонила насчет ужина.

– Ну так попробуй! – рассвирепел Олег. – Меня сейчас вообще не интересует твое мнение. Меня волнует результат, поэтому подойди к этому поганому телефону, возьми поганую

трубку и скажи своей поганой подружке, что сегодня у нее выход в свет! Так что пусть поднимет задницу, напудрит харю и ждет, пока ей не подадут карету.

– Я ей не начальница, – отрезала Маша. – Она не обязана меня слушаться, и вообще...

Что она имела в виду под «вообще» Олег не дослушал, вlepив жене оплеуху. Ее голова буквально взвилась, точно мяч после углового удара, светлые пряди взметнулись веером. Маша упала на кровать. Не успела она спохватиться, как Олег набросился на нее, схватил за волосы и грубо встряхнул.

– Если я тебе говорю, надо слушать. Ты поняла меня? Поняла? – орал он, и его голос смешно ломался, переходя почти на визг, и это так рассердило его, что, не зная, как еще совладать со своим гневом, он стал дергать на ней юбку, пока не сломал молнию, сорвал трусы и, грубо раздвинув ноги, взгромоздился сверху, удерживая ее одной рукой, а второй терзая непослушную пуговицу на джинсах. Маша корчилась и извивалась под ним, поскуливая от боли, но это его не волновало. Сейчас ему надо было наказать ее за непослушание тем самым способом, к которому он обычно прибегал и который доставлял ему наибольшее наслаждение, пусть даже потом им придется одеваться второпях. И потому, отчаянно пытаясь, Олег немало удивился, а потом пришел в отчаяние, когда понял, что не может. Его верный боец, игрунчик, как он сам его называл, в этот момент отчего-то сник и скукожился, отказавшись идти на войну, хотя прежде с ним таких осечек не было. Ну ладно, были, пару раз, и даже не с женой. И это по-настоящему разозлило Олега. Повозившись еще немного, он слез с жены, надел трусы и хмуро поглядел на Машу, распластанную на кровати, с растрепанными золотыми волосами, закрывающими все лицо. Маша тяжело дышала, но, кажется, не плакала.

– Я сам схожу к твоей подружке, – холодно сказал Олег. – И к моему приходу ты должна быть готова. У тебя пятнадцать минут.

Жена поднялась, словно внутри сработал привычный механизм, и подарила Олегу долгий взгляд. От дверей ему показалось, что в ее зеленых глазах горит самая настоящая ненависть. Но ему было наплевать. Пусть побесится немного. Скоро переговоры закончатся, они вернутся домой, и там все будет по-прежнему. Выходя, он громко хлопнул дверью, оставив жену зализывать раны. Торопливо вышагивая до номера Риты, Олег с неожиданной злостью подумал, что жена, возможно, права, и эта лысая, как кошка-сфинкс, баба может запросто его послать, испортив весь план.

«Силком потащу, – яростно подумал он. – За волосы!»

Потом он вспомнил, что волос-то у Риты нет, и это обстоятельство так его рассмешило, что Олег гулко расхохотался в пустом коридоре отеля, да так громко, что из одного номера за его спиной высунулся кто-то любопытный и тут же юркнул обратно, когда Олег скорчил ему рожу, не успев даже разглядеть, мужчина это или женщина. Что такого? Ну, смеется человек. Весело ему. И нечего пялиться.

Олег добрался до номера Риты и требовательно постучал в дверь, несмотря на висящую табличку «Не беспокоить». Рита не отвечала, и тогда он забарабанил сильнее и стучал, пока дверь наконец не приоткрылась и он не увидел ее худое лицо, выплывшее из темноты, и лихорадочно блестящие глаза.

– Рита, ради бога, прости, но сегодня у нас такой день. Удачная сделка, мы празднуем в ресторане, – зачастил он, включая все свое обаяние и опасаясь, что она захлопнет дверь у него под носом. – Я подумал, будет несправедливо, если все пройдет мимо тебя. Мы собираемся в семь выезжать. Ты успеешь собраться?

Она молчала. Злоба вновь шевельнулась внутри Олега, но еще больше, чем на Риту, он обозлился на себя, что встал перед этой бабой едва ли не на колени, выступив в непривычной роли просителя. Он даже представил, что сейчас Рита откажется, и тогда он ее ударит прямо в лицо, смяв как целлулоидный шар.

– Я буду готова через пятнадцать минут, – ответила Рита и улыбнулась во весь рот бездушной улыбкой скелета, обнажая свои мелкие зубы.

* * *

То, что Рита пришла на ужин, Маша посчитала чудом, но не обрадовалась этому событию совершенно. В тот момент, прижав лопатки к спинке стула, она думала только о пощечине, которую вновь получила просто так, а еще о том, что, возможно, ее щека до сих пор красная от удара, хотя она прикладывала лед и торопливо затониrowала кожу. Чувство ярости, которое она так долго давила в себе последние три года, не просто проросло, а уже заколосилось. Сжимая в руке вилку, Маша неожиданно для себя представила, как вонзит четыре зубца в горло мужа, а потом будет наслаждаться видом брызжущей из артерии крови. Это чувство было настолько новым, что она удивилась, как далеко она шагнула от покорного аморфного состояния до яростного желания убивать. Испугавшись, Маша перевела взгляд на Риту, которая сидела рядом с Павлом Дорониным, а тот, уже изрядно пьяный, что-то шептал ей на ухо. Двух других мужчин, сидящих за столом, Маша знала как Дмитрия и Николая. Дмитрий был местным, на подхвате у Павла, Николай работал с Олегом и пару раз даже бывал у них дома, то и дело одаривая Машу сальными взглядами. Каждый из мужчин пришел со спутницей. Две идентичные силиконовые Барби с ненатурально приоткрытыми губами бессмысленно улыбались и жались к своим мужчинам. Даже звали их похоже: Лика и Вика, Маше пришлось сделать над собой усилие, чтобы запомнить, кто из них кто.

Рите происходящее не нравилось. Она терпела, морщилась и все время отодвигалась. За вечер она почти ничего не сказала, была взвинчена и бесконечно хмурилась, отчего на ее выбеленном лбу образовывались резкие борозды морщин. Рита выглядела плохо и, видимо, чувствовала себя отвратительно, поскольку бесконечно кусала губы и вытирала пот, хотя в ресторане работал кондиционер и было совсем не жарко, даже свежо. К сожалению, Рита сидела на противоположном конце стола, и Маша была лишена возможности потихоньку спросить у нее, насколько все скверно. Рита же на Машу совершенно не обращала внимания, горбилась над своей тарелкой, не отвечая на ухаживания, чем заставляла Павла нервничать, а Олега злиться, отчего оба мужчины пили больше, чем надо. Беседа не клеилась, и финальная стадия переговоров, похоже, зашла в тупик.

Откашлявшись, Олег махнул официанту, и тот услужливо наполнил бокалы, но мужчины не произнесли тостов, выжидаяще глядели друг на друга, пока Олег, с ядовитой вежливостью, не начал:

– Я так понимаю, что мэр не станет подписывать договор и не даст нам зеленый свет на строительство?

Павел насмешливо поглядел на него через стол и ответил все с той же убийственной вежливостью, от которой веяло льдом:

– Ты схватываешь ситуацию так ловко, что я даже не понимаю, что ты тут делаешь? Разумеется, мы не подпишем. Проект интересный, застройка – это квартиры бюджетникам, рабочие места, развитие инфраструктуры, коммуникаций. Но, Олег, дорогой, эти муравейники, что ты лепишь один на другой, нам тут не нужны. Давайте не будем портить такой чудный вечер и просто выпьем.

Олег выпил, причем не дожидаясь, пока Павел закончит фразу. Маша пригубила свое вино. Лика и Вика с одинаково бессмысленными улыбками таращились в пустоту. Рита молчала и ежилась, поправляя на себе палантин. Поставив пустой стакан на скатерть, Олег зло рявкнул:

– Ваше упрямство стоит огромных денег, и это плохо для всех нас.

– И зачем мне это знать? – усмехнулся Павел. – Мэр посмотрел проект и принял решение. Увы и ах.

Олег побагровел. Маша смотрела на него со страхом. Уж ей было хорошо известно, что сейчас муж находится просто в бешенстве и, если беседа не повернется в нужное русло, он отыграется на ней.

– Может, ты повлияешь на мэра? – предложил Олег. – Пусть он образумится. Я не подлизываюсь к тебе, но у тебя на мэра имеется огромное влияние. Ты же один из самых важных людей в городе.

– Я бы помог, но та земля, на которую ты нацелился, не подлежит застройке, – лениво ответил Павел. – Там рядом река федерального значения, и застройка на ее берегах официально запрещена, плюс лес, который тоже нельзя трогать, и ты это знаешь. Слушай, да во всех документах это отражено. Санитарный контроль никогда не даст добро на застройку. Дмитрий Саныч, ты дашь добро на застройку?

– Не дам, конечно, – крикнул Дмитрий. – Да там и почва для застройки не подходит. Половина участка – охраняемая зона. Там краснокнижные растения... того... произрастают.

– Какие еще растения? – разозлился Олег, но Дмитрий, не моргнув глазом, ответил:

– Прострел крымский. Тис. Фисташка туполистная. У вас вон напротив гостиницы даже есть такое место на горе, его еще называют аэродромом самоубийц, оттуда пару раз люди прыгали... Ну, вот там, кстати, тис растет.

– Я же на горе не собираюсь строить, – холодно сказал Олег.

– Я понимаю. Но тис везде растет. Его не так много, так что приходится беречь. Поймите, дорогой мой, что это все по закону.

Олег стиснул зубы. Казалось, он ничего не понимает. Для Маши было очевидно, что сделка пошла не так. Муж не поехал бы в Крым, если бы предварительно не существовало каких-то договоренностей, которые, похоже, пошли прахом. Сделки мужа ее мало заботили, но вот расхлебывать их последствия ей не хотелось. Олег оттолкнул руку официанта и налил себе виски до самых краев, отчего часть выплеснулась ему на руку и скатерть.

– Послушай: я знаю, и ты знаешь, что то, что написано на бумаге, значит меньше, чем наши добрые отношения. Павел, я не прошу тебя помочь только мне. Я прошу тебя помочь самому себе и твоему начальнику, – сказал он почти умоляюще.

Павел улыбнулся, как наевшийся сметаны кот:

– Сейчас это одно и то же. Не так ли?

– Не так! – взорвался Олег и привстал, нависнув над столом, отчего его галстук оказался в блюде с салатом. – Не так! Ты просто берешь меня за горло, и мы все прекрасно знаем почему. Тебе мало, да? Лично тебе!

– Олег, я тебя очень уважаю и потому скажу тебе от всего сердца: если ты позволишь себе еще раз повысить на меня голос, то проклянешь тот день, когда решил появиться на пороге моего кабинета, – ровным голосом ответил Павел. – А сейчас я, пожалуй, выйду немного остыть, чего и тебе советую.

Он встал и вышел. Дмитрий, пробормотав невнятное извинение, двинул за ним, а следом выскочила и Вика, спотыкаясь на каблуках и странно приседая, словно ей нестерпимо хотелось в туалет. Оставшиеся за столом хранили гробовое молчание.

– Олег, что делать? – робко спросил Николай.

– Заткнись, я думаю, – процедил Олег, налил себе еще виски и выпил, поморщившись. – Либо им нужно больше бабла, либо нас обошел кто-то на кривом повороте.

– Либо и то, и другое, – добавил Николай.

– Либо и то, и другое. В сказочку про сохранение природы я не верю. Месяц назад их все устраивало, а сейчас вдруг обеспокоились редкими цветочками. Фисташка у них туполистная.

Прострел... Уж не знаю, кто тут туполистный... Что ты мне, как светофор, моргаешь своими зенками?

Николай действительно многозначительно косился на Риту, которая вроде бы совершенно не прислушивалась к разговору, но Олег замолчал и принужденно улыбнулся. Маша подумала, что Олег наверняка пожалел, что позвал Риту, ставшую свидетельницей его унижения. Сидящую с Николаем Лику в расчет можно было не принимать, как и Машу, а вот Рита, которая должна была выступить в роли союзницы, теперь могла стать кем-то совершенно иным. Маша подумала, что Олегу этого не хочется, поскольку он вновь попытался исправить ситуацию.

– Да, девушки, кажется, вечер пошел немного не туда, а мне так хотелось отпраздновать удачное завершение сделки. Я прошу прощения.

– Раньше надо было думать, – резко ответила Рита. – А так вечер безнадежно испорчен вашими ссорами. Я могла спокойно поужинать и лечь спать.

– Ритуль, ну ты же видишь, что произошло, – пьяно растягивая гласные, начал Олег. – Твой ухажер оказался совершенным невменько. Ну кто так делает, когда на берегу уже все тысячу раз обговорено? Может, ты с ним поговоришь?

Рита подняла глаза и криво улыбнулась.

– Олег, ты ничего не попутал? Мне-то с того какая выгода?

– Поговори, Рит. А я в долгу не останусь.

– Смешной ты. Что ты можешь мне предложить?

– Рит, я много чего могу предложить при таком контракте. Ты за всю жизнь столько не зарабатывала своими кривляньями.

Этого говорить не следовало, Маша поняла это сразу, а вот до Олега не дошло. Лицо Риты исказилось. Она уже была готова сказать какую-то грубость, но вернувшиеся Павел, Дмитрий и Вика остановили поток слов, готовых сорваться с ее тонких губ. Однако, едва они расселись, Рита, небрежно поиграв своим бокалом, заявила:

– Честно говоря, не знаю, из-за чего весь сыр-бор. Вы когда-либо задумывались, насколько жалкими выглядите?

– Ты о чем? – не понял Павел, и выглядел он при этом откровенно озадаченным.

– Ну... – Рита описала бокалом круг в воздухе. – Все это, ребяташки. Ну, настройте вы эти муравейники, назовете их элитным жильем у самого синего моря, бабло отмоете за дешевую панель, попилите прибыль. А дальше-то что? Туда, – она указала на потолок, – вы свои деньги не заберете.

– Я так люблю слушать осуждение богатства от людей, которые носят на пальчиках камни, стоимостью в годовой бюджет какого-нибудь города, – хохотнул Олег. – Это всегда выглядит невероятно трогательно и пробирает до самого сердца, прямо как кремлевские концерты, где все любят родину, но почему-то имеют в загашнике швейцарские паспорта. Или как искренние призывы актеров и актерок голосовать за кандидатов в депутаты, которых они впервые видят, или их потуги рекламировать дерьмо, которое они не будут есть или носить.

Рита прищурилась и хищно улыбнулась.

– Олежа, солнце мое, не путай ситуацию с проституцией. Да, актеры и актрисы, как ты милостиво охарактеризовал нашу братию, на любую политическую панель пойдут ради шанса заработать или засветиться. Но от того, что мы делаем, хуже никому не станет. Никто не умрет, если я предложу кому-то купить помаду или кофточку, которая воняет собакой.

– Ну, сейчас ты описала проституцию, – рассмеялся Олег, и, к неудовольствию Риты, Павел тоже разразился хохотом, а следом неуверенно похихикали и все остальные. – К самоутверждению это не имеет отношения. Может, мы и меряемся тут членами, но это заложено в мужской природе. Самец всегда завоевывает мир в борьбе с другим самцом, и слабый должен уйти. Ты же не попрешь против природы, Ритуль?

Маше показалось, что воздух начал сгущаться, как перед бурей, и даже волосы присутствующих насыщались электричеством и потрескивали. Улыбка на лице Риты растягивалась все сильнее, становясь похожей на оскал Джокера.

– Не попру, дорогой, – фыркнула она. – Тут ты прав. Просто я всерьез подумала над твоим предложением. Вот ты пообещал мне золотые горы, если я поговорю с твоим оппонентом. Много чего ты мне можешь предложить. А если мне это не надо, Олег? Если того, что мне надо, у тебя нет и никогда не было?

– погоди, – не понял Павел и перевел суровый взгляд на Олега. – Он хотел, чтобы ты со мной поговорила? О чем?

Рита не обратила на него внимания.

– Ну так что, Олег? Что ты мне можешь предложить? Денег? Они у меня есть. Бриллианты? Вот, полюбуйся, тоже в избытке. А ты можешь дать мне время, Олег? Еще несколько лет? Или месяцев? Или хотя бы дней? У тебя есть несколько лет, что я могла бы прожить?

– Рит, успокойся, – приказал Олег. – Павел, я не знаю, что ей пришло в голову, и я...

– Ты мне противен, – перебила Рита. – Сидишь тут, самец-молодец, с бриллиантовыми яйцами. А что ты можешь на самом деле, кроме как самоутвердиться перед слабыми бабами или какой-нибудь голытьбой? Вон официантика щелчками зовешь, как барин халдея. Знаешь, кто так делает? Импотенты. Может, у тебя не стоит, Олег? Может, ты потому доказываешь всем, насколько ты крут, на самом деле это все от импотенции?

– Ты охренела совсем? – рявкнул Олег.

Рита швырнула салфетку на стол и поднялась.

– Идите вы к богу, дьяволу и прочим чертям, – прошипела она. – Видеть вас не могу.

Она стремительно бросилась к выходу, зацепилась пышным рукавом за спинку стула и повалила его с грохотом, но не остановилась, вылетев из дверей, как тропическая птица. Ее уход проводили гробовым молчанием, пока Лика не пробурчала под нос:

– Сходили покушать.

Олег молчал и с минуту смотрел на скатерть, а потом повернулся к жене и почти ласково прошептал:

– Самоутверждаюсь из-за импотенции? Ну-ну...

* * *

После ухода Риты женщины также оставили своих мужчин. Лика ушла первой, даже не попрощавшись, просто взяла сумочку, встала и вышла, а Маша долго думала, как бы ей сделать то же самое, но ничего не приходило на ум, пока наконец она не склонилась к уху Олега и не шепнула ему:

– Я поехала в гостиницу.

Олег рассеянно кивнул. Он был слишком занят попытками достучаться до Павла и убедить его изменить решение. Маша нисколько не сомневалась, что, когда он вернется, независимо от результата, ей припомнят резкое высказывание Риты и обвинение в импотенции. Олег наверняка подумал, что Маша успела напеть своей новой подруге о его физической несостоятельности, хотя на самом деле все произошло только сегодня и у Маши не было времени перекинуться с Ритой даже парой фраз наедине.

Сегодня Олег вернется в номер и отыграется на ней за все: за сорвавшуюся попытку изнасилования, за срыв контракта, за грубость Риты. А поскольку он будет в стельку пьян, дело кончится плохо. Маша прикоснулась к уху, которое до сих пор было красным и слегка опухло от удара, ей даже пришлось маскировать его прической. Интимное освещение ресторана вряд ли позволило гостям разглядеть, что одна ее щека припухла и была ярче другой. В холле ресторана, пока она ждала такси, Маша заметила в зеркале, что от удара у нее лопнули капилляры

в левом глазу. Завтра придется весь день ходить в темных очках. Если, конечно, она вообще найдет в себе силы выйти из номера. Пока машина везла ее обратно, Маша думала, чем могла бы защититься. В номере хватало тяжелых и острых предметов, можно было стащить нож из ресторана, но она сомневалась, что Олега всерьез можно будет напугать стальной зубочисткой, которой она даже не умела пользоваться. Когда машина остановилась у отеля, Маша вышла и с сомнением поглядела наверх, на темные окна своего номера.

А, собственно, почему она должна туда идти? Что она теряет, если не пойдет? Хуже все равно не будет, если ее не окажется на месте. Олег вряд ли бросится ее искать, а если и бросится, ему это быстро надоест, учитывая, сколько он выпил. На улице не зима, можно пересидеть где-нибудь у бассейна или у моря, выбрать уголок поукромнее, оттянув момент наказания, а утром Олег будет мучиться похмельем, ему будет не до сведения счетов. Главное, забраться куда-нибудь подальше.

Только куда?

Маша подумала о Рите. Да, вполне естественным будет искать ее у подруги, но после всего, что Рита высказала за ужином, она будет последним человеком, с которым Олегу захочется видаться. С другой стороны, алкоголь убьет его неприязнь и осторожность, и он вполне может захотеть проверить. Но номер Риты – это ее собственность на время отдыха, и она вполне может позвонить в полицию. Олег ей никто, она ему ничем не обязана. Хотя на ужине она сказала, что Олег ей противен. Не относится ли то же самое и к Маше?

Она решила рискнуть и в коридоре свернула не влево, а вправо, к другой лестнице, благо жили они в разных крылах здания. Время на часах было еще детское. Рита вряд ли спала после скандала...

И после предсказаний цыганки. Все началось именно с пророчества. Маша была в этом убеждена. После она погуглила, что значат карты, и все они предсказывали плохое, в основном – смерть. Неудивительно, что перспективы Риту не обрадовали, у нее испортилось настроение, и, вероятно, это спровоцировало приступ. Неудивительно, что Рита сорвалась на Олега.

Перед дверью Маша ожидаемо струсилась и минуты две стояла, переводя дыхание и не решаясь постучать. На дверной ручке висела табличка: «Не беспокоить». Маша потопталась еще немного, напонила себе, что ей некуда деваться, и поскреблась в дверь. За ней не слышалось ни звука. Маша постучала сильнее.

– Рита, это я, – жалобно сказала Маша и, подождав пару секунд, добавила: – Впусти меня. Я одна.

По-прежнему ничего. Маша постучала громче и, подождав, понуро опустила плечи. Либо Риты действительно нет, либо, что более вероятно, Маше придется искать себе другое убежище, потому что ее не хотят видеть. Вполне возможно, что на остаток отпуска ей придется искать и другую подругу, если, конечно, ей это позволят.

Она развернулась, и в этот момент дверь приоткрылась, а потом тонкая рука втащила Машу в полумрак.

Такой Маша видела Риту впервые. В банном халате, который был ей на несколько размеров велик, Рита выглядела крохотной и хрупкой, как фарфоровая статуэтка. Впервые Маша застала ее без тюрбана и парика, который был запросто надет на выключенный светильник-бра, отчего создавалось впечатление, что на стене висит чей-то скальп. На лысом черепе Риты пробивалась темная поросль волос, и в сочетании с ее бездонными глазами с темными мешками под ними она очень походила на диковинную инопланетянку Нийю из старого фильма, где в конечном итоге все кончилось хорошо.

– Ты прости, я не слышала, – устало сказала Рита, потянувшись за париком, а потом ее рука безвольно повисла. – Впрочем, к черту, ты уже все видела. Не думаю, что моя черепушка тебя шокирует больше выходов твоего благоверного. Садись. Выпьешь?

Только сейчас Маша увидела, что все мерзавчики из бара валяются пустыми в мусорном ведре, а на тумбочке стоит початая бутылка текилы и грубо нарезанный лайм с остатками неаппетитно обглоданных шкурок в горке соли.

– По-моему, я достаточно выпила сегодня, – ответила Маша и села в кресло. Рита пожала плечами, налила текилы в кофейную чашку и выпила, сморщилась, но не закусила.

– А я что-то не могу остановиться, – пожаловалась она. – Как в кабаке начала, так все, тормоза отпустило. И не берет ведь, зараза. Уже шатаюсь, а не рубит. Больше всего хочется упиться вдрызг, отрубиться и ни о чем не думать.

– Ты из-за цыганки так расстроилась? – спросила Маша. Рита не ответила и налила себе еще, почти до краев. – Рит, ну ты же понимаешь, какая чушь все эти предсказания. Ты еще скажи, что «Битве экстрасенсов» веришь. Это все психология, наблюдательность и банальная угадка. Ты взрослая, адекватная женщина, а тут расклеилась из-за старушки, которая отомстила тебе за замечание. Рит, я же понимаю, что с тобой, это не приговор...

– Не приговор, – эхом повторила Рита. – Но иногда думаешь: лучше б сразу. Отмучилась, и все. Я никогда не умела ждать. Все мои беды были от нетерпеливости. А потом случилось это, и я сидела и ждала. Лечилась и ждала. И вот уже сколько жду, страдая от неизвестности, кончилось все или еще нет, и мне снова надо глотать таблетки, мучиться поносом, рвотой, задыхаться от посторонних запахов, забыть о солнце. Что это за жизнь такая, Маш? Зачем она мне? А выбора нет. Или так, или никак вообще.

Текила, видимо, пробрала ее до самых костей, поскольку Рита стала растягивать слова и с трудом фокусировала взгляд на Маше. Сглотнув, она потянулась за бутылкой, налила еще полчашки, выдохнула, бросила на язык щепотку соли, выпила и закусила лаймом.

– Послушай, – сказала Рита, кривясь, – ты тогда так ловко ушла от ответа. Но я до сих пор не понимаю, зачем ты живешь с мужиком, который тебя бьет? Неужели дело только в бабках? Ты же молодая, красивая... Сколько тебе? Двадцать пять?

– Двадцать три, – буркнула Маша.

– Двадцать три. Вся жизнь впереди, а ты тратишь ее на козла. Неужели ты не хочешь послать его ко всем чертям?

– Все немного сложнее, – вздохнула Маша. – Я хотела уйти. И даже почти ушла. А потом...

– Что – потом?

– Потом мама заболела, – невесело улыбнулась Маша. – Рак легких. А она даже не курит. Как-то резко выяснилось, врачи говорили – реактивное развитие. Надо было лететь в Израиль, денег, конечно же, не было. И я осталась с ним, чтобы ее спасти. Олег денег дал, конечно, и без конца мне этим тыкал, мол, смотри, какой я щедрый, мамашку твою спасаю. Родители тоже заставляли его благодарить, спасителя. Я благодарила. Чуть ли не ноги целовала, а сама думала: будет ремиссия, я уйду. Потом маме полегчало, и я решила: хватит с меня. Поговорила с ней, сказала, что уйду от Олега, синяки показала. Знаешь, я ждала, что мама пожалеет меня, а она так кричала, орала, что я ничего не понимаю, как я дальше буду жить, я же ничего не умею, а они не в состоянии меня содержать... Только я все равно решила, что уйду. А она на следующий день опять слегла. Надо было ехать лечиться. Ну, Олег оплатил клинику, мама уехала в Израиль. А мы сюда.

– И ты продолжила собой жертвовать, – констатировала Рита. Маша кивнула:

– Продолжила. Только зря.

– Мама умерла? – ахнула Рита. Лицо Маши исказила непонятная гримаса.

– Нет. Не умерла. Я тебе больше скажу: она и не болела. Это все был фарс, шапито. Олег, он... Он только думает, что очень прозорливый и хитрый, а на самом деле мои родители его уже лет пять разводили на бабки, в которых не нуждались. Отец с помощью Олега основал фонд, через который отмываются деньги, только Олег не в курсе, сколько их утекает мимо кассы.

Такие фонды всегда нужны, отец же у меня ректор университета, там такие бабки крутятся, что и представить нельзя. Мама... Мама тогда победила рак. А сейчас она просто договорилась с клиникой, что полежит у них, нервы полечит. Там же многопрофильная клиника на Мертвом море, чего не полечить, если денежки есть? Естественно, когда она вновь оказалась в клинике, я оставила все мысли об уходе от мужа, а он снова заплатил.

Рита налила текилы, но пить не стала, протянула чашку Маше. Та помотала головой, но потом взяла и выпила.

– Господи, – выдохнула она и закашлялась. – Дай что-нибудь...

Рита протянула ей блюдце с лаймом.

– Когда ты узнала? – спросила она.

– Недавно. Дня два назад. Мама не слишком дружит с техникой и случайно переслала мне фотографию и сообщение врача в вотсап, а я, как на грех, была онлайн. Она его тут же удалила, но я успела прочитать. Это было такое милое щебетание, ах, доктор, ваши солевые ванны так воздействуют на мои суставы и кожу, я просто помолодела на десять лет, и мне будет жаль выписываться. Я позвонила в клинику. Это было не онкологическое отделение, а терапия. Мне сообщили, что мама прекрасно себя чувствует после операции, отеки скоро спадут.

– Погоди, – прервала Рита. – Я потеряла нить. Что за фотографию она прислала?

– Она себе кожу подтянула, – усмехнулась Маша. – За счет моего мужа мама сделала пластическую операцию, а потом кисла в грязевых и соленых ваннах, восстанавливала загубленную строптивой дочкой нервную систему. Там было фото: она с синяками под глазами и улыбкой в тридцать два новых зуба. А я-то удивлялась, что она все время лишь звонила и ни разу не вышла на видеосвязь.

– Прекрасно, – пьяно рассмеялась Рита. – А отец знал?

– Думаю, да. Не очень приятно сознавать, что, оказывается, тебя продали, как вещь, как барана, точнее, как тупую овцу. А я и была тупой овцой. Я всю жизнь жила и была должна... соответствовать. Сперва ожиданиям родителей, потом требованиям мужа. Никто никогда не заботился о том, чтобы соответствовать мне. И что самое странное, я считала это нормальным.

– Стесняюсь спросить, но почему у вас нет детей? Вы не можете или не хотите? Или?..

– Или, – кисло ответила Маша. – Он-то хочет, а я нет. От него не хочу. Ты была права: Олег меня бьет. И мне становится плохо от мысли, что он может бить еще и ребенка. А я слабая, от одного удара падаю, я не смогу никого защитить, но за ребенка я бы дралась, честное слово. И он бы меня просто убил.

– М-да, – протянула Рита и поморгала. Кажется, долгожданное действие алкоголя настигло ее, и теперь ей было трудно удерживать тело в вертикальном состоянии. – Что ты будешь делать? Ну, теперь, когда ты все знаешь... Разводиться?

– Он мне развод никогда не даст, – мрачно ответила Маша. – Убьет, а не даст. Я не знаю, как мне поступить. Но я больше не хочу с ним жить и все это выносить. Рит, скажи, что мне делать?

Рита, которая уже засыпала, открыла осоловевшие глаза.

– Что?

– Ну, ты мудрее меня, опытнее, – взмолилась Маша. – Скажи, как я должна поступить?

Глаза Риты закрылись, и она медленно опустилась на подушку.

– Маш, – промычала она сонным голосом. – Я не знаю, как тебе поступить. Я не могу разобраться с остатком своей жизни, а тут еще твоя. Сейчас не могу даже думать обо всем, не то что советовать. Но я бы на твоём месте послала всех на хрен. Жизнь одна, и жить надо для себя, а не для того, чтобы в тебе кто-то не разочаровался.

– Родители всю жизнь внушали мне, что я должна слушаться их.

– Никому ты ничего не должна, – пробурчала Рита в подушку. – Вот тебе совет старой мудрой Тортиллы. Никому и ничего ты не должна. Живи для себя. Все сразу становится гораздо проще. Есть только один побочный эффект.

– Какой?

Рита не ответила, и Маша подумала даже, что подруга заснула, когда Рита почти шепотом произнесла:

– Рано или поздно ты остаешься совсем одна.

После этих слов она всхрипнула и перевернулась на спину. Маша с минуту смотрела на спящую подругу.

– Какая разница, – усмехнулась она. – Я и так совсем одна.

Глава 3

Рита так стонала и хрипела во сне, что у Маши, прикорнувшей на кушетке, не хватило мужества остаться на всю ночь. Она проворочалась на неудобном коротком ложе, как ей показалось, целую вечность, а затем посмотрела на часы. Два часа ночи! Всего лишь два часа! До рассвета еще целая вечность, до момента, когда отель оживет, и того больше. В голове билась малодушная мысль: что делать, если Рита умрет вот тут, у нее на руках? Маша понимала, что это глупо, но ничего не могла поделать с трусливыми мыслями, перед которыми даже побои Олега выглядели не так кошмарно. Поворачиваясь на короткой кушетке, Маша зацепила ногой тумбочку, с которой слетел и разбился стеклянный стакан. Беспокойно спавшая Рита подпрыгнула на кровати и зажгла свет, глядя на Машу безумным взглядом. Свет ночника, слишком тусклый, разогнав тьму по углам, превратил Риту в крюконосую ведьму. Лысый череп таращился на Машу впавшими глазницами. Тишина в комнате была настолько плотной, что ее можно было резать ножом. В этой напряженной атмосфере было слышно только дыхание хозяйки комнаты, сиплое и прерывистое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.